

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

Ученик лицея

Пьеса в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Пушкин Александр – поэт, ученик лицея.

Арина Родионовна – няня поэта.

Пушкин Василий Львович – дядя поэта.

Ольга Сергеевна – сестра поэта.

Чаадаев Петр Яковлевич – друг Александра, гвардейский офицер.

Жуковский Василий Андреевич.

Даша, Маша – крепостные девушки в людской Ольги Сергеевны.

Пуцин Иван, Кюхельбекер Вильгельм, Дельвиг Антон – друзья Александра, ученики Лицея.

Энгельгардт Егор Антонович – директор Лицея.

Карамзина Екатерина Андреевна.

Державин Гаврила Романович.

Петров Захарий – гвардейский офицер, адъютант коменданта Царского Села. Фекла.

Фома – сторож в Лицее.

Посол датского короля.

Знатная дама с усами.

Музыкант со скрипкой.

Варсонофьев – офицер.

Лакей в доме Ольги Сергеевны.

1-й преподаватель Лицея.

2-й преподаватель Лицея.

Генерал Савостьянов Геннадий Петрович.

Ямщик Кузьма.

Конвойный солдат.

Кухарка в доме Ольги Сергеевны.

Публика на экзамене в Лицее.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Людская в доме сестры Пушкина, Ольги Сергеевны, в Петербурге. Убранство простое, почти крестьянское, как в русской избе, и по этой причине уютное и милое. Стоит зима; окошко в морозном узоре; за окошком метель. Дверь, выходящая в сени, заиндевела.

Старая няня Ольги и Александра Пушкиных, Арина Родионовна, сидит на скамье, дремлет и вяжет: «И медлят поминутно спицы в ее наморщенных руках». Возле няни сидит Маша, отроковица-подросток, живущая в доме Ольги Сергеевны; рот ее открыт, большие глаза ее серьезны, печальны и внимательны, она точно прислушивается. И в самом деле: слышно дыхание метели за окном, а издалека, из внутренних покоев, слышатся человеческие голоса и звуки музыки.

В доме Ольги Сергеевны семейное торжество: день рождения хозяйки. В доме, должно быть, гости. И няня, Арина Родионовна, прислушивается; потом, зевнув, крестит рот и опять медленно вяжет спицами, словно бы дремля, а на самом деле бодрствуя и понимая все, что совершается вокруг, вблизи и вдали.

Со двора входит Даша (она чуть старше Маши), черная кухарка, с вязанкой дров; она бросает дрова на пол возле русской печи.

Арина Родионовна(Даше). Чего ты так – ногами шумаркаешь, дровами гремишь: все броском да рывком!

Даша. А чего, бабушка? Я ничего!

Арина Родионовна. Полы-то крашенные, господа за них деньги платили, а ты их обиваешь.

Даша. Я больше, бабушка, не буду.

Арина Родионовна. Не надо, умница.

Даша. Не буду, бабушка, я тихо буду.

Арина Родионовна. Да, то-то! А то как же!

Маша. Дашка, засвети огонь в печи. На дворе люто.

Арина Родионовна. И то, Даша. Ишь, студено стало.

Даша. Сейчас, бабушка, я сейчас, – я втупорже печь засвечу.

Маша. Огонь ведь добрый, он горит! Я его люблю!

Даша заправляет русскую печь березовой корой и запаливает ее огнем. Кора вспыхивает, свет из печи играет на полу, на стенах, отсвечивает на потолке, – людское жилище преображается как в волшебстве. Из господских горниц явственно доносится музыка – вальс, простая мелодия восемнадцатого века. Даша снимает валенки, остается босая и оттопывает такт вальса большими ногами, вольно размахивая руками.

Маша. И я хочу! И я хочу так топать и руками махать!

Арина Родионовна. А чего же! Встань да спляши!

Маша. А я боюсь! Мне стыдно, бабушка!

Арина Родионовна. Кого тебе стыдно-то? Господ тут нету. Я тут с тобою. Не бойся никого, чего ты...

Маша. А я ведь дурочка!

Арина Родионовна (поглаживая головку Маши). Кто тебе сказывал так, сиротка моя, – души у того нету.

Маша. Люди, бабушка, говорят. Они знают.

Арина Родионовна. Люди говорят... А чего они знают? Они сами по слуху да по испугу живут. Ты погляди-ка на батюшку, на ангела нашего Александра Сергеевича: разумный да резвый, и славный какой, и ничего как-есть не боится, – как только земля его держит! Господи, сохрани и помилуй его, сколь страху за него я терплю!

Маша. А ты любишь его, бабушка?

Арина Родионовна. И-и, детка моя малая: усну – забуду, усну – забуду... Я и живу-то одной памятью по нем да лаской его. Хотя он и при матери своей рос, да не близко, а у меня-то возле самого сердца вырос: вон где!

Маша. И я его люблю!

Даша. И я!

Арина Родионовна (как бы про себя). И вы, и вы!.. Все вы его любите, да кто его сбережет!.. Вам-то он в утешение, а мне – в заботу...

Маша. И мне в заботу! (Она живо, с улыбкой на лице, спрыгивает со скамьи). Я ему огня нарву, он цветы любит! (Она пытается сорвать отраженный свет из печи, волнующийся на полу и на стене; ей это не удастся, она видит – руки ее пустые; тогда Маша бросается в устье русской печи, хватая там руками огонь, вскрикивает от боли, выскакивает обратно и мечется посреди людской). Огонь, огонь! Стань добрый, стань добрый, стань цветочком! Я сгораю – не мучай меня!

Даша берет деревянную бадейку с водой и враз окатывает Машу.

Даша. Ништо, небось потухнет.

Арина Родионовна. Аль вовсе сдурели! Дашка, потри ей ледышкой жженные пальцы, боль и пройдет, да одежду сухую надень на нее, – глянь-ка, за печью висит. Эка, резвые да бедовые какие!

Даша босиком выметывается за дверь за ледышкой, сейчас же возвращается обратно и уводит Машу с собою за печь. Отворяется дверь, что ведет в господские горницы, появляется Василий Львович Пушкин, дядя Александра. У него книга под мышкой.

Василий Львович (к Арине Родионовне). А где же, где тут, где, – где юноша-мудрец, питомец нег и Аполлона?

Арина Родионовна (вставая и кланяясь в пояс). А никого тут нетути, батюшка Василий Львович, и не было никого.

Василий Львович. Как – нету? Как – не было никого? Так вы же, вы-то здесь, Арина Родионовна!

Арина Родионовна. Так мы кто, мы люди, батюшка Василий Львович...

Василий Львович(перебивая). Мне и надо людей, мне и надобно вас, дорогая наша

Арина Родионовна. (Целует ее в голову). Вы старшая муза России – вот вы кто!

Арина Родионовна. Не чую, батюшка, не чую!

Василий Львович. А где Сашка? Он здесь где-то... Я думал, он при тебе!

Арина Родионовна. Нету, батюшка, нету; должно, в горницах шалит, где ж еще. Сама жду его не дожуся, в кои-то веки из Личея своего показался, и то нету.

Василий Львович. Сбежал, подлец!

Арина Родионовна. Ан явится. Он до нас памятливыи.

Василий Львович. Матушка, Арина Родионовна, вы бы его выпороли, – ведь есть за что!

Арина Родионовна. Знаю, батюшка, знаю, да не смею.

Василий Львович. Как так – не смеете! Штанишки прочь – и хворостиной его, хворостиной, чтобы визжал, подлец этакий! Ведь вы ему больше матери – вы его выходили, вы сердце в него свое положили...

Арина Родионовна. А то как же, батюшка, а то как же: без того младенец человеком не станет!

Василий Львович. Ну, и попарывайте, попарывайте его, зимой – хворостиной, а летом – крапивой...

Арина Родионовна. Не с руки мне, батюшка: ему-то больно, а мне – вдвое.

Василий Львович. Вдвое, говоришь! (Открывает резким движением книгу, что принес под мышкой, читает).

Но кто там мчится в колеснице

На резвой двоице порой?

Слыхала, матушка, какие стихи ныне пишут, а? Двоица! Эх, мерзавец!.. Это пару лошадей он так пишет, когда одна лошадь вдвое бывает. Это все князь Шихматов, шут полосатый. Это что же такое, матушка моя? Отвечай мне, я жалуюсь тебе? Это библический содом и желтый дом!.. (Василий Львович с яростью швыряет книгу в горящую печь). Вон отсюда! Здесь Пушкины живут!

Арина Родионовна. Дело ваше, а нам ни к чему.

Василий Львович (с остаточной яростью). Как так вам ни к чему? А что же вам к чему? Ах, рабство жалкое!

Арина Родионовна. А ты не шуми, батюшка... Что ты бросил – и нам ни к чему. А что нам впрок, то мы из огня возьмем и с земли подыдем. (Она меняется в лице и что-то невнятно шепчет или напевает).

Василий Львович. Громче, матушка, – во всеуслышание!

Арина Родионовна (напевая внятно и задушевно).

Ты спросишь: «Где ж мои родные?»

И не найдешь семьи родной.

Мой ангел будет грустной думой

Томиться меж других детей

И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня.

Из-за русской печи появляются Даша и Маша; Маша переделалась в сухую одежду; обе они молча, несколько испуганно наблюдают из отдаления за действием.

Даша (вдруг громко, продолжая стихотворение).

Быть может, сирота унылый,
Узнаешь, обоймешь отца...
(И сразу смолкает, смутившись).

Василий Львович глядит на всех, потрясенный и радостный.

Василий Львович. Ах, прелесть! Сашка, что ль?

Арина Родионовна. Да то кто же!

Василий Львович. Как – да кто же! И я бы так мог сочинить!

Арина Родионовна. Ну нету, батюшка, не обижайся на старуху: дар божий у Саши одного, у Александра Сергеевича.

Василий Львович. Ишь ты, какова! Да ты знаешь, я ему и по таланту дядя старшой! Что Сашка без дяди своего!

Арина Родионовна. Бог вам судья.

Василий Львович. То-то.

Арина Родионовна. А я богу подсказчица.

Василий Львович(рассмеявшись). Ах, сердита, ах, умна ты, матушка, Арина Родионовна! Знать, все музы тебе внучки! Только не ровня они своей бабушке, нет – не ровня! Я изумляюсь!

Арина Родионовна. Это кто ж музы, батюшка: ангелы, что ли?

Василий Львович. Да нет, матушка, какие ангелы: это девки такие! (Замечает Дашу и Машу). Вон такие, как они, только похуже, пожалуй! (Подходит к Даше и

Маше, гладит их по голове, одну и другую). Эти-то добрые, они славные, – вот тебе где ангелы, они на кухне! (Даша и Маша ухмыляются).

Арина Родионовна. А те, видать, зловредные.

Василий Львович. Ого! Те мошенницы, матушка, те мошенницы.

Арина Родионовна. На небе живут?

Василий Львович. А где же? Там, конечно.

Арина Родионовна. Избаловались! На земле-то труднее.

Василий Львович. И верно! И верно! Вот я живу на земле – и я страдаю.

Арина Родионовна. Чего ж так? Душа, что ль, болит по ком?

Василий Львович. Нету, матушка, нету: устеров не ем, гадов морских! А привык!

Арина Родионовна. А ты ешь их! Ешь, гадов-то!

Василий Львович. Англичанка не велит, от суши нас отрезала. В Европе пожары, на Везувии огнедышащее извержение, а в журналах пишут, как готовить сушеные щи для солдат, – мне скучно, матушка!

Арина Родионовна. Скучай, батюшка!

Василий Львович. Зачем же, матушка, – зачем мне скучать?

Арина Родионовна. Чтобы жить, батюшка.

Василий Львович. Эх, старая, сказала. Чего скучать, пойду танцевать.

Арина Родионовна. Воля ваша.

Василий Львович. А ваша? А ваша где воля?

Арина Родионовна. У вас, батюшка. Воля-то одна.

Василий Львович (задумывается, целует старуху в голову). Правда твоя. Спасибо тебе, – да и мы-то рабы.

Арина Родионовна. А кто же? При рабах и господин раб.

Василий Львович. Ах, прелесть!.. Ведь это же справедливо! А где, однако ж, Сашка? Явится к тебе – пошли его ко мне! Он мне надобен.

Арина Родионовна. Скажу, батюшка.

Василий Львович (к Маше). Ты чего – глаза в слезах, а сама смеешься?

Даша. Она сдуру так-то.

Маша. Я не сдуру, я от радости.

Василий Львович. А чему ты рада? Чему, красавица моя?

Маша (бормочет, как сама не своя). В печи огонь горит, от огня цветы растут, на дворе мороз, на небе звезды, а в избе люди добрые...

Арина Родионовна. Ишь, умница.

Василий Львович. Превосходно! В доме, где Пушкины, всякий сверчок поэт.

Маша. А таракан?

Василий Львович. И таракан, и блоха, и клоп, и муха, и птицы, и звери, и собаки, и кошки...

Маша. И я, и ты!

Василий Львович. И ты, и я... Ну улыбнись мне еще раз... Ах ты, природа милая! Существовай!

Даша. (Маше). Ощерься!

Маша улыбается и в застенчивости закрывает лицо руками. Василий Львович, напевая, удаляется в господские горницы. Оттуда слышится музыка.

Маша. И я хочу туда!

Арина Родионовна. Куда тебе?

Маша (указывая на дверь, куда ушел Василий Львович). Туда! Там хорошо!

Арина Родионовна. Опомнись! Там гости; у матушки-то Ольги Сергеевны нынче именины, ангела ее поминают.

Маша. И у меня нынче именины! И я ангел!

Даша. Гляди-ко, и у нее именины, и она ангел! (Смеется).

Маша (смеется, подобно Даше, без всякой обиды). И у меня именины, и у меня ангел есть.

Даша. Бабушка, а у нас будут именины?

Арина Родионовна. Будут, будут – чего нет? И у нас будут. Когда-нибудь будут...

Даша. А у нас разве тоже ангелы есть?

Арина Родионовна. А то как же! И у нас есть.

Даша. А где ж они?

Маша (указывая себе на грудь). А тут!

Даша. Бабушка! А что они делают?

Арина Родионовна. Да что прикажут. Они послушные.

Входит лакей с большим лопоухим унылым псом датской породы.

Лакей (на пса). Они скучают там!

Арина Родионовна. Эко горе-то!

Лакей. Они нездешние, они из датской державы. Их хозяин – посол короля.

Арина Родионовна. Ишь ты, знать, и кобель – барин.

Лакей. А как же! Они скучают, у них слезы в глазах, – такая уж в них сущность. Иностранцы!

Арина Родионовна. А ты кнутом его...

Лакей. Ошалела, матушка! Они при своем барине, а барин их при короле. Стало быть, сей пес-то – третье существо от самого короля. Близко, стало быть! Велено, чтоб они веселыми были. Приказано, чтоб Машка занималась им и забавляла его, покуда они не ухмыльнутся аль не погавкают довольным голосом... Машка, прими скотину!

Маша. Бабушка!..

Арина Родионовна. Господская воля, Машенька...

Маша. А я нынче именинница!

Арина Родионовна. Аль ты барыня, что ль?

Маша. А я... а я... бабушка, а у меня тоже ангел есть, а пес нечистый!

Лакей. Щекочи, щекочи его! Видишь, они скучные...

Арина Родионовна. Стерпи, Машенька...

Маша занимается с собакой: щекочет ее за ухом, утирает ладонью влажные собачьи глаза, тормошит ее.

Лакей (закуривая трубку). В иностранных державах, и пес пряники глотает... Там деликатность такая!

Арина Родионовна. Ты бы шел туда да псом там и жил.

Лакей. А мы и тут, матушка, пироги едим, когда они сохлые; нам сохлые завсегда отдают. А что, и сохлые можно – обмакни в жидкое да вкушай!

Арина Родионовна. Можно и сохлые, и с плесенью, и прокисшие... Чего и пес не тронет, так ты небось проглотишь!

Лакей. А мне чего! – не бросать стать... Сжую и проглочу! Я человек этакий!

Даша. Он этакий, такой-сякой да с дурью...

Маша по-детски разыгралась с собакой; она ласкает и веселит ее и бормочет что-то про себя. (Возможно, что эта сцена происходит за печью и видна зрителю лишь частично или совсем не видна, а только слышна).

Маша (явственно – к собаке). Ухмыляйся теперь, ухмыляйся! Чего ж тебе надоть, лодырь кормленный! Ухмыляйся скорее, а то я бабочкой стану и от тебя улечу! У меня сердце маленькое, в нем радости мало, ты не ешь его – оно горькое, не ешь его, а то умрешь...

Даша. Бабушка, чего она говорит так-то?

Арина Родионовна. От обиды она разумом зашлась.

Маша. Улечу я бабочкой, где цветы растут, и ты меня не догонишь. А ты не плачь, ты не плачь по мне, я буду счастливой тогда. Я сяду на цветок, а цветок меня съест, и я стану цветком. А цветок выпьет пчела, я стану медом. А мед скушают дети – я буду маленькой пчелкой. А пчелку ветер унесет, я буду ветром. А ветер снег подымет, я стану снежинкой. А снежинка опустится на матушкино лицо и станет слезою...

Даша. Опомнись, Маша!

Арина Родионовна. Не трожь ее, она сама изойдет и перестанет.

Маша. А матушка мне улыбнется, и слеза ее высохнет; и стану я тогда счастливой...

Является Александр Пушкин: в людской тихо, слышно только явственное бормотание Маши; Александр слушает Машу.

И буду я птицей, буду я травкой-былинкой, зернышком хлеба, доброю девушкой буду, а дурочкой Машкой боле не буду – мне матушка моя не велела. Она наказывала мне, чтоб я жила счастливой да вольной, а то, сказывала, она и в могиле плакать будет по мне. А мне горько дурочкой жить, матушка моя плачет в земле... Не плачь матушка, я тоже сейчас не плачу, я собаку веселю, пусть она ухмыляется...

Александр. Машенька, зачем ты грустна? Ты будешь счастливой!

Маша. Сначала собака должна ухмыльнуться. Мне велели ее веселить, а она плачет. Я ее сейчас поцелую, мне жалко ее...

Александр. Не нужно, Маша, не нужно, – пусть ее датский король веселит.

Александр хватает собаку за ошейник и выгоняет ее прочь за дверь, что выходит из людской во двор.

Лакей(вставая). Так не велено, барин!

Александр (с мгновенной яростью). И ты туда же, прочь!

Лакей. Нам чего же... Собака-то иностранной державы, будь бы она русская... (Уходит вслед за собакой).

Даша. Ай, в избе как чисто стало! Здравствуйте, батюшка Александр Сергеевич!

Александр (смеясь – к Даше). Здравствуй, и ты, старая моя матушка... (Выводит за руку Машу). Ах, вот ты какая Машенька! Уже большая стала, а была маленькая...

Маша(улыбаясь). И ты был маленький!

Александр. Нету, я маленьким сроду не был!

Маша(веселая). Ты дедушка?

Александр. Я дедушка! Я живу на старости лет. Видишь?

Маша. Вижу. А я бабушка. Видишь?

Они идут, взявши один другого за руку, как ветхие старик и старуха, и подходят к Арине Родионовне.

Александр (обнимая няню). Нянюшка моя... Здравствуй, матушка, здравствуй, родная моя...

Арина Родионовна. Здравствуй, ангел мой, здравствуйте, друг наш любезный, – храни вас господь милостивый!

Няня крестит голову припавшего к ней Александра.

Арина Родионовна. Соскучился, милый, – по нас соскучился, по людям своим... А уж мы-то по вас глаза досуха выплакали, каково там-то вам, в училище, в сиротстве жить, – скучно да немило. Чужая-то печь и топленая холодной бывает... Ах, дружок наш бедный, коли бы вы сердце наше чувствовали...

Александр. А я чувствую его, – вот оно, матушка, бьется, вот оно стучит, ваше сердце, ко мне...

Арина Родионовна. Правда, правда твоя, батюшка наш Александр Сергеевич, стучится к вам наше сердце, любит оно вас, да мало того что любит...

Александр. А что? А еще что же?

Арина Родионовна. Да еще боится оно за вас...

Александр. Чего, чего же оно боится?

Арина Родионовна. Мало ли чего: слыхала я, резвыми вы, сударь, стали, потихоньку бы жили... По-нашему, тихие-то счастливей живут!

Александр(отпрянув). Счастливей? Машенька – иль не тихая?

Арина Родионовна. Уж чего – и тихая, и кроткая.

Александр. А счастливая она?

Арина Родионовна. Да ну уж, где ее счастье? Чужую собаку щекотать?

Александр. А вы говорите – у кроткого счастье. Вот и петли вы спутали, дайте я сызнава счет-то начну.

Александр берет спицы, начинает вязать какой-то паголенок, что вязала его няня.

Арина Родионовна. Аль не забыл, батюшка? Поменьше-то были, все бывало: дай-ко, дай-ко я, нянюшка, чулок тебе свяжу аль варежку. И руки-то у вас были с терпением, как крестьянские, и сами-то были совсем еще в малолетстве.

Александр. А я на старости лет мужиком стану либо инвалидом – и буду жить тогда в будке при дороге...

Арина Родионовна. Да чего уж так, батюшка! Говоришь невесть чего, как Машка наша.

Александр. А правда, матушка. Бог весть, что будет-то.

Арина Родионовна. Бог весть, милый мой.

На дворе громко и весело брешет изгнанная собака.

Даша. Ишь ты, повеселел кобель-то!

Арина Родионовна. Пусть его! Пусть его там мороз пощекочет.

Александр. Пусть ему – царской собаке. (Передает няне вязание). Седьмую петельку, нянюшка, ты пропусти, там узелок я завязал...

Маша (к Пушкину). Я тебе цветы собирала, собирала, а они потухли... А зачем меня Дашка облила водой? Я мокрая была, мне холодно было...

Александр. Ты сама цветок, вот зачем. А цветы всегда поливают водой.

Маша(довольная). Я сама цветок! – вот зачем. Я так и знала... А когда я буду счастливой? Ты говорил – я буду.

Александр. Когда?.. А тогда же, когда и я, – мы с тобою вместе будем счастливыми! Ах ты, душенька!

Арина Родионовна. Да живи хоть ты-то, батюшка, счастливым.

Александр. А вы?

Арина Родионовна. А мы и без счастья привычные.

Александр(гневно). Без счастья можно, нянюшка, а без вольности нельзя!

Даша. Без вольности нам нельзя!

Арина Родионовна(Александр). Нельзя, мой дружок, – без вольности и былинки вянет. Да глупому-то и без воли живется.

Маша. Я былинкой буду, а глупой Машкой не хочу! Я умру тогда.

Александр. Как грустно ты сказала, бедная Машенька...

Маша. А что вольность? – ты говорил.

Александр. Прелесть, – такая же, как ты.

Арина Родионовна (с живостью). А я без воли век прожила... Как во сне, батюшка, как в дреме ушли мои годы...

Александр(грустно). Как во сне... (К Машеньке). А ты будешь вольной, и ты проснешься, бедная умница...

Маша. Я буду прелесть, – ты говорил.

Арина Родионовна. Да ну уж, – где она, воля и прелесть. Сколько я детей выходила... И сестрица ваша, Ольга Сергеевна, и вы, Александр Сергеевич, не миновали моих рук. Как их минуешь-то! Не сплю, бывало, любуюсь младенцем-то и думаю: может, вот оно, вырастет божье дитя, – всему свету на радость, а я тоже не лишняя, я у сердца грела его. Может, думаю, отопрею того, кто каждой душе будет в утешение и покой века всем надобен, – стало быть, и я не напрасно жила-горевала... А кто ж его знает!

Александр. А кто ж его знает!.. (Обнимает няню). Вырастила ты нас, а вдруг мы – балбесы!

Арина Родионовна. Нету, не должно быть, нету! (Она припадает к руке Александра, но тот не дает свою руку).

Из господских горниц появляются Василий Львович, Ольга Сергеевна, гости Ольги Сергеевны: дама с усами, старый человек – без усов и без волос на голове – посол датского короля, музыкант со скрипкой, которого ведет об руку Василий Львович.

Василий Львович. Он тут, он здесь – я так и знал! Саша, я тебя ищу: я поэт, а ты еще в задатке, в темной натуре. Натура же – это страсть, а поэзия – трезвость. Кто ты такой, Саша? Ты мой племянник – всего и дела, Саша... Ты племянник!

Александр. Племянник. Зато у какого дяди!

Василий Львович. Ну верно, ну верно!

Ольга Сергеевна. Сашенька, нам скучно без тебя... В Лицее ты один и здесь без нас.

Александр. И здесь Лицей, сестрица.

Ольга Сергеевна. Чему же ты здесь учишься? И мы хотим поучиться.

Александр. Чему в Лицее, сестрица, не учат.

Ольга Сергеевна. Чему же?

Александр. Не знаю чему, потому и учусь.

Ольга Сергеевна. Ну-ну... Ах, Саша! Ведь скоро мы снова будем в разлуке...

Александр. Скоро, скоро... А что разлука! Душа моя будет с тобою...

Ольга Сергеевна. Брат мой милый... А ты не забыл, что сегодня я именинница?

Василий Львович. Кстати, да, именины... Зачем я вас попросил сюда? А затем, что и здесь дом Пушкиных, и здесь существуют служители муз, а может быть, живут и сами музы, но в тайном виде, в смиренном жилище – на печке, за печкой, в сенях, где лешие, где тараканы. Саша! Ты увидишь сейчас зрелище небывалое!

Александр. А все уже бывало, дядя.

Василий Львович. Ах ты, старик! Даша, Глаша, ты где? Ты тут? Нет, не все еще бывало! Прошу вас, господа, – внимание! Потом мы будем танцевать – здесь тепло, здесь огонь в русской печи, здесь хорошо, как в деревне... Даша!

Даша. Чего? Я давешь тут...

Василий Львович. Даша! Даша, я попрошу вас – произнесите стихотворение, что вы читали здесь...

Даша. А я и другое знаю!

Василий Львович. Боже мой! А сколько вы знаете стихов?

Даша. Все.

Василий Львович. Как – все? И мои знаете произведения?

Даша. Нету, ваших не знаю. Ихние знаю, Александра Сергеевича.

Василий Львович. Так-с. Это не вполне-с все! Читайте, однако, что помните.

Даша. Я все помню... (Босая, наивная и доверчивая, но сохраняя полное достоинство, она выходит на середину людской, в то время как гости располагаются вокруг Даши, и воодушевленно декламирует, вся отдавшись произведению Пушкина и своему воображению).

Воспоминания в Царском Селе

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;

В безмолвной тишине почили дол и рощи.
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

В начале ее декламации Василий Львович, Александр и Ольга Сергеевна весело улыбаются, следя за телодвижениями Даши, которыми она сопровождает декламацию; посол и дама с усами остаются надменно бесстрастными; затем Василий Львович и Ольга Сергеевна продолжают улыбаться, но Александр Пушкин делается серьезным и погружается в задумчивость; музыкант со скрипкой, которого привел Василий Львович, отходит к рампе, обращается лицом к зрителю и начинает играть импровизированное музыкальное сопровождение к стихам Пушкина.

Плывет – и бледными лучами
Предметы осветила вкруг.
Аллеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм и луг;
Здесь, вижу, с тополем сплелась молодая ива
И отразилась в кристалле зыбких вод;
Царицей средь полей лился горделива
В роскошной красоте цветет.
С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам,
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы русской храм?
Не се ль Элизий полнощный...

Не управляя своим вдохновением, Даша поднимает руки, делает резкое движение и вдруг закрывает лицо руками во внезапной застенчивости и убегает на время за печку. Ольга Сергеевна улыбается, Василий Львович хохочет и аплодирует, посол и усатая дама крайне шокированы и морщатся, Маша, Арина Родионовна и Александр серьезные, у Александра катятся слезы по грустному лицу, слезы идут и по лицу музыканта, продолжающего играть свою мелодию.

Музыкант.

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?

Потрясенный Александр целует Дашу, затем бросается к музыканту.

Александр (музыканту). Вы брат мой!..

Посол(вставая). Сие ужасно! А где мой дог? Кобель по-русски!

Маша (указывая рукой на двор). Тамо... Он там ухмыляется...

Василий Львович. Великолепно! Браво, браво, русский народ! Прелестно, прелестно!

Усатая дама. Что здесь изящного? Дворовые люди смеются над нами!

Ольга Сергеевна (успокаивая гостью). Что вы, дорогая! Это все очень мило и от чистого сердца...

Усатая дама. Вы так думаете? А я не думаю. И кто написал эти стихи, – я не расслышала автора, – в них нет истинной гармонии...

Василий Львович (в сторону). Ах ты, устерса, гада морская! Поди прочь от нас, от Пушкиных!..

Ольга Сергеевна (гостье, холодно). Судить всякий, сударыня, может, а понимает лишь вдохновенный!

Усатая дама. Бог мой! Значит, ваша девка обладает вдохновением, а я его не имею.

Ольга Сергеевна. Да, сударыня.

Усатая дама. Простите, у меня не дворовый вкус.

Ольга Сергеевна. Я об этом сожалею...

Василий Львович(Александр). Ты мне необходим. Я прочту тебе новые стихи: я создал их в чистом вдохновении, поверь, ей-богу, Саша! Но, чур, не подражай!

Александр. Если стерплю, то воздержусь.

Посол. Сие ужасно, сие ужасно!

Василий Львович (беря об руку гостью с усами). Прошу вас. Здесь мало изящного, уверяю вас, и пахнет чем-то посторонним.

Усатая дама. Ах, вы – насмешник и вредный! Знаете, мне что-то нехорошо...

Василий Львович. Это вы проголодались, сударыня. После стихов я всегда мясным бульоном питаюсь и жареной говядиной по-английски...

Посол берет об руку Ольгу Сергеевну, и все уходят, последним идет музыкант, вслед за Александром; в людской остаются Арина Родионовна, Даша и Маша.

Музыкант (обернувшись к Даше, делает ей рукой знак прощания). Прощайте, Дарьюшка, нимфа моя!

Даша. Прощай, ладно уж! Чего мало сыграл? Еще играй!

Музыкант (делает жест в направлении ушедших вперед). Я там в оркестре надобен: солист! (Уходит).

Арина Родионовна(вздыхнув). Ушел наш Сашенька... Ложитесь спать, девки, чего глаза таращите, ночь давно на дворе.

Даша. И то, бабушка. Нам пора.

Маша. А я усну – и сны буду видеть...

Они уходят за печь, там разбираются, готовятся на сон грядущий; несколько позже они обе лежат на русской печи, и две их внимательные головки, четыре широко открытых глаза следят оттуда, что делается в людской. Является Александр.

Александр(застенчиво). Нянюшка, я опять пришел.

Арина Родионовна. Иди, иди ко мне, чего ты как сиротка стоишь... Ведь я-то к тебе не смею ходить...

Александр. Няня, расскажи мне сказку...

Арина Родионовна. Сказку? А я тебе их все уже небось рассказала, покуда растила тебя.

Александр. А еще – одну.

Арина Родионовна. Которую же, голубчик, – и не помню я ничего.

Александр. А ты вспомни – как встарь люди жили-были... Как ты давно-давно мне рассказывала...

Арина Родионовна. Да ведь вы тогда еще Сашенькой были, Александр Сергеевич, вам что ни расскажи, все на сердце ложилось... А теперь вы сами разумные стали – чего я вам расскажу...

Александр. А ты помнишь, няня, ты сказывала мне одну сказку – давно-давно – она была самая добрая, самая хорошая, да я забыл ее.

Арина Родионовна. И я, родной, позабыла. Которая же это?

Александр. Я вспомню ее, няня. И та сказка, – ты знаешь что, – та сказка скоро будет правдой! Я знаю!

Арина Родионовна. Да уж пора бы... Да сбудется ли, милый, чтоб сказка правдой стала?

Александр. Сбудется, нянюшка, – я чувствую, ты увидишь.

Арина Родионовна. Мне что же, я старая, я уже при смерти живу, а людям нужно...

Александр. И тебе нужно, няня, и всем, всем нужно, кроме злодеев...

Арина Родионовна. Так что же это будет-то, батюшка?

Александр. Вольность! Святая вольность будет, няня! Ты никого не будешь бояться и станешь жить со мною, как мать.

Арина Родионовна. Аль правда твоя?

Александр. Правда, правда, так будет, нянюшка моя...

Даша (с печки). Правда!

Маша. Правда. Я вижу.

Арина Родионовна. Ин, видно, так и быть должно, а без того вся жизнь неправда.

Александр. Ты постарела от рабства, няня!

Арина Родионовна. Доживи хоть ты, сударь мой, до той поры и себя не погуби. Вольность-то, слышно, никому даром не дается.

Александр. Дается!.. Государь не потерпит более рабства!

Арина Родионовна. А кто ж его знает: цари молча живут.

Александр. Я вспомнил, это ты про вольность сказку мне говорила...

Арина Родионовна. Да ведь в сказках правда спит, Сашенька, – а кто ее пробудит?

Александр. Мы, нянюшка, мы, бедная моя!

Арина Родионовна. А кто вы-то?

Александр. Да мы!

Арина Родионовна. Да кто ж такое вы-то, сиротка ты моя, – аль ты всех крепче? Ты тоже умрешь, сердечный мой, как мы все...

Александр. Пусть я умру, няня. А когда я живу, смерти нет, я чувствую прелесть в сердце!

Даша. И я чувствую!

Маша. И я!

Александр. И она чувствует! И Маша!

Арина Родионовна. Люди же они, батюшка, – вот и чувствуют.

Александр. Значит, это правда... Я вижу, что правда.

Из горниц заглушенно слышится музыка.

Арина Родионовна. Ты все видишь, милый мой... Страшно мне, что разумом ты резвый такой!

Александр. А вы не бойтесь, нянюшка. Пусть другим будет страшно!

Приходит кухарка; она кланяется Александру и ставит на стол перед Ариной Родионовной простой ужин, который она принесла на жестяном подносе.

Кухарка. Ужинай, Родионовна, да и спать пора... Мне-то нынче не спать – гости небось до утра будут, одной посуды сколько перемыть надо... Ешь, Родионовна, тут барыня тебе ломоть пирога своими руками отвалила: пусть, говорит, няня покушает. Вот он – тута, с начинкой!.. Может, и вы, батюшка, Александр Сергеевич, с нянюшкой покушаете, – я вам отдельно принесу!

Александр. Спасибо, Семеновна... Отдельно мне не надо, а дай ложку!

Кухарка. А ложка тут есть, тут их три, вот они, батюшка. Кушайте.

Кухарка уходит. Александр садится с няней за стол, берет себе ложку и хлебает с няней похлебку из одной миски. Музыка из господских горниц утихает; слышно глубокое дыхание Маши и всхрапывание Дарьи, уснувших на печи, – с лицами,

по-прежнему обращенными сюда, к няне и зрителю. Из господских горниц появляется П. Я. Чаадаев, уже одетый в дорогу, в офицерской бекеше.

Чаадаев(Александр). Ты здесь? Едем в Царское. Я в полк еду – мне пора.

Александр. Едем. И мне пора.

Чаадаев. Сбирайся! Здравствуйте, Арина Родионовна!

Арина Родионовна. Здравствуй и ты, батюшка. Садитесь кушать, а я встану.

Чаадаев. Зачем вам вставать? Ах, рабство, дикость какая!

Арина Родионовна. Аль вы там, что ль, откушали?

Чаадаев. Нет, ничего я там не кушал...

Александр. Так садись сюда, тебе и ложка есть!

Чаадаев. Нет, не хочу. Горек здесь хлеб. А впрочем, всюду он горек. Разве только в хижине земледельца он честен и сладок...

Александр. А отчего?

Чаадаев. Ты должен это знать... (Он отходит к спящим на печи Маше и Даше – и, сняв перчатку с руки, осторожно, нежно гладит их русые головки). Какие прелестные чистые лица у этих рабынь! Какая кротость у этого рабства, будь оно проклято! (Обращается к Александру). А ты ложку взял, – ты меч возьми!

Александр (бросает ложку). Ты прав!

Арина Родионовна. Кушайте, сударь. Без еды и гнева не будет. Поешьте – и гневайтесь.

Чаадаев. А ведь это правда, Арина Родионовна. Из хлеба гнев!

Арина Родионовна. А от куда же: все из него берется, из черного хлебушка!

Чаадаев отламывает кусок хлеба, жует, но есть не может и выкладывает жеваный хлеб обратно в горсть.

Александр. Тошнит?

Чаадаев. Тошнит.

Александр. И меня стало тошнить.

Чаадаев. В нем нет чистого зерна... В нем кровь, пот и слезы земледельца. Он замешан на черном гное рабства, в нем темная душа русского невольника! Отсюда хлеб наш горек и не имеет питания...

Арина Родионовна. А вы пирога откушайте...

Чаадаев. Пирога? В нем вовсе отравы, матушка; я не ем ядовитого...

Арина Родионовна. Какая отравы? Он сдобный да сладкий, и в него яблочная начинка положена: пирог добрый вышел.

Чаадаев. Эта сладость из слез русского народа. Ах, и вы рабыня, Арина Родионовна...

Александр (в гневе). Она матушка моя!

Арина Родионовна. Чего вы, сударь! У вас своя, родная, матушка есть.

Александр. Ты мне родная матушка – мать!

Чаадаев. Так чего же ты родную мать в рабстве содержишь?

Александр (в исступлении, близком к слезам). Не будет моя мать рабыней!

Чаадаев. Успокойся, успокойся, эфиоп! Ты дашь ей вольную, и она не будет рабыней. Но только она одна! Что толку? А вокруг океан рабства!

Александр. Да нет же, нет, – ты честен не один! Вся отчизна будет свободной!

Чаадаев (он приблизился к Александру и затем обнял его). Вся отчизна, Александр!

Александр. Вся! Я тоже раб, и ты раб!

Чаадаев. Ты не раб.

Александр. А кто же?

Чаадаев. Не знаю... Родила тебя Россия от своего горя и себе в утешение...

Александр. Когда же сбудется что-нибудь в России?

Чаадаев (касаясь рукой кудрявой головы Александра). Все сбудется! Она уже сейчас прекрасна, а счастливой будет. Нам пора, Александр.

Александр. Нам пора... Прощайте, матушка Арина Родионовна. (Припадает к ней). Поцелуйте нас.

Арина Родионовна целует в лоб Александра, затем Чаадаева и крестит их.

Арина Родионовна. Бог вам в помощь.

Александр (к няне). Я тебя люблю, а ты помни меня.

Арина Родионовна. Упомню, упомяну, родимый мой, – как тебя забыть!.. А ты возьми, возьми-ко, Сашенька, пирожка в дорогу-то. Я тебе его в чистую холстинку положу...

Чаадаев. Излишен, матушка, твой пирог; обмерзнет он в дороге.

Арина Родионовна. А вы тут, вы со мной его покушайте, родные мои, не побрезгуйте старухой...

Чаадаев. Простите нас, Арина Родионовна...

Арина Родионовна своими руками отламывает на столе кусок пирога; этот кусок она делит еще пополам и подает Чаадаеву и Александру; затем Арина Родионовна берет щепоткой совсем маленький кусочек пирога – для себя; и все трое они истово вкушают пищу.

Александр (счастливо смеясь). Теперь хорош, сладок пирог и не горек, отравы в нем нету!

Чаадаев(серьезно). Это матушка твоя, Арина Родионовна, своими руками его освятила.

Чаадаев и Александр уходят. Арина Родионовна осталась одна; пауза; на печи сладко спят Маша и Даша; вьюга во дворе; затем вскоре, близко, здесь же во дворе, живо звенит колокольчик под дугою коренного у тройки лошадей, и этот колокольчик рванулся вдруг в резком звуке, лошади понеслись, и колокольчик однообразно залился.

Арина Родионовна. Не надобно, ничего не надобно мне, сынок мой нареченный! Дозволь только жить при тебе, чтобы от скорби, от печали тебя оборонить и от ранней кончины...

Колокольчик еще звенит и постепенно затихает в удалении.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Комната Александра Пушкина в Лицее. Комната у него угловая, последняя по коридору; в комнате большое окно, открытое в так называемый Елизаветинский сад (Царскосельский сад состоял из двух садов: Елизаветинского и

Екатерининского; Елизаветинский был более старый и запущенный); из окна видны старые, столетние деревья, за деревьями долина, то есть пустошь, и там же пруд – зеркало, водой сияющее в тишине под позднюю луну. На берегу пруда – античные и римские статуи. Стоит весна. Окно Александра открыто настежь. Открыта и дверь в коридор. У двери, в коридоре, спит на табуретке лицейский дядька, старый Фома; он дремлет и, чтобы не заснуть, время от времени нюхает табак. Александр спит на кровати, укрывшись одеялом с головой. Вначале тишина, сияние весны за открытым окном. Виден волшебный мир, на который никто не смотрит.

Фома нюхает табак, чихает, затем чихает еще раз и еще – все более громко.

Фома (чихая раз за разом). Скажи, пожалуйста, – табака не терплю! (Давая в нос свежую понюшку). Не терплю, да и только! (Оглушительно чихает). Натура стареет, не терпит. Привыкнет, однако! (Чихает).

Александр поворачивается под одеялом, не открывая головы. Голос лицеиста В. Кюхельбекера издалека, из своей комнаты.

Кюхельбекер. Фома! Не чихай на заре!

Фома. Не буду, Вильгельм Карлович, я более не буду! Мало ли что бывает, а потом и не бывает. (Чихает вновь). Натура не терпит!

Голос Кюхельбекера. Убейте кто-нибудь Фому! Я не выплюсь – мой рассудок не отдохнет!

Голос Дельвига. А как встать из-под одеяла – кто первый?

Еще голос. Я не встану!

Еще голос. Я тоже, – холодно!

Голос Дельвига. Пусть Саша, ему ближе!

Стук в стену от соседа Александра – Ивана Пущина.

Голос Пущина. Ты спишь? Саша, ты спишь? Здравствуй, Саша!

Молчание.

Саша!

Фома. Александр Сергеевич спят: они чоха не боятся.

Голос Александра (из-под одеяла). Не боюсь. Чихай, Фома!

Фома. Сейчас, Александр Сергеевич. Сейчас! (Чихает). Раз! (Чихает). Раз! Раз!.. Трижды кряду, Александр Сергеевич!

Александр. Будь здоров, Фома!

Голос Пущина. Саша! Это ты там?

Александр. Нету, не я!

Голос Пущина. А кто же ты?

Александр. Пушкин, бедный человек.

Голос Пущина. А отчего ты бедный?

Александр. Инвалид.

Голос Пущина. А инвалид отчего?

Александр. От тебя – ты стучишь, мне спать не да ешь, и я слабею... Фома, дай я понюхаю – что такое! Может, это хорошо.

Фома. Это хорошо, Александр Сергеевич. Весь рассудок очищается, а что лишнее – прочь в ноздрю вылетает. (Дает Александру понюшку).

Александр нюхает; ожидает, что будет с ним; размышляет; ничего с ним, однако, не случается, он даже не чихает.

Фома. Малолетний вы еще, вам едкость, стало быть, не нужна.

Александр. Обожди. Сейчас чихну.

Фома. Ну-ну, сударь. Вы постарайтесь, вы потрудитесь. Зря чоха не бывает.

Александр. Нету! А может, твой табак мне слаб.

Фома. Ого! Этот табак-то слаб! От этого табака, сказывают, сам государь как чихнет, так аж подскочит.

Александр (сев на постели, обрадованно). Ну? Это славно, пусть он чихнет да подскочит, чихнет да подскочит! А вдруг у него весь рассудок с чохом в ноздрю выскочит! Может, выскочил уже? Ты не видал, Фома?

Фома (официально, громко обращаясь как бы ко всем лицеистам). Опять пошли говорить да заговариваться! Время не вышло – побудки нету. Ночь идет. Спать всем пора! Спать, я говорю, как быть должно!

Тихо. Тикают большие стенные часы в коридоре. Фома дремлет на своем табурете. Александр лежит, открыв лицо наружу; он не спит.

Голос Пушкина. Саша! Ты забыл меня?

Александр. Забыл.

Голос Пушкина. Забудь! Но помни: быть может, некогда восплачешь обо мне...

Александр. Нет, Жан, нет; это не я, а ты, быть может, некогда восплачешь обо мне...

Голос Пушкина. Нет, ты скорее восплачешь!

Александр. Нет ты, нет ты! Вот увидишь, что вскоре ты восплачешь обо мне!

Голос Кюхельбекера. Ложь! Весь мир восплачет обо мне, а об вас он плакать не будет!

Фома. Где шум? Слышу – доносится. Спите, господа – чтоб вас не было, – дайте мне, человеку, покой...

Голос Дельвига. Дайте Фоме, человеку, покой!

Еще голос. Покой человеку!

Еще голос. Вечный покой!

Голос Дельвига. Спите, орлы России!

Александр. Фома! Угони своих птенцов!

Фома (привстав с табурета). Опять там шевеленье! Спите, ангелы, демон вас возьми!

Молчание. Тишина. Сон Лицея на заре. Один Александр не спит. Он встает (он одет в ночную пижаму, то есть закрытую куртку и брюки), садится в постели, берет альбом со стола и, открыв его, задумывается, – в то время как за большим окном, в садах Лицея, медленно разгорается утренний рассвет. Александр не пишет; он глядит в утренний мир, и по лицу его проходят чередой то улыбка, то печаль, то тайная мысль; при этом лицо Александра кажется лицом уже вполне зрелого человека, старше своих лет, и игра чувств и мысли на нем, озаренном зачинающейся зарею, делает его прекрасным.

На берегу пруда, где стоят греческие и римские статуи, является забредшая туда, нездешняя, видимо, старушка. Она в нищей одежде, согбенная, по внешнему виду, по старости и кротости она отдаленно напоминает Арину Родионовну.

Согбенная старушка находится в полном противоречии с обстановкой, в которой она очутилась. В руках у нее кошелка; она собирает в нее павшие ветви и прошлогодние листья; остановившись, она внимательно глядит на белую равнодушную греческую богиню и проходит далее. Гортанным голосом вскрикивают в глубине природы пробудившиеся птицы. Александр подходит к открытому окну, глядит на старушку.

Александр. И там то же самое, что есть и во мне, что сам я чувствую... И там Пушкин, и здесь Пушкин. Вон Муза моя! (Улыбаясь). Которая же, брат Пушкин! Там и старушка, там и Киприда! Там лебеди на лоне вод, и вижу – там воробьи... И повсюду, в каждом из них, моя Муза; она, должно, и в радости, и в печали, она в юной прелести и в добром старчестве, но она в них безмолвна, она будто мертва; живет одна ее поэзия...

Александр пишет в альбоме гусиным пером; очиненные перья стоят в деревянном стаканчике на столике. В природе разгорается утро. Снова по лицу Александра проходят тени его чувств превращаясь в одно радостное состояние поэзии. Фома, задремавший на табурете, уснул теперь глубоко, и, дышавший вначале неслышно, он постепенно расхрапелся; под конец он храпит во всеуслышание.

Александр бросает гусиное перо на пол, к ногам Фомы.

Александр. Фома! Слушай, я стихи тебе прочитаю.

Фома (пробуждаясь, подбирает с пола гусиное перо, пробует его ногтем). Опять иступили! Мой дед тоже грамоте знал, так ему одного пера на всю жизнь достало, а вам, сударь, и на сутки мало...

Александр. Мало! Слушай, Фома!

Фома. А чего слушать, сударь! Слово – не предмет, от него пользы нету!

Александр. Нету?

Фома. Так точно: нету!

Александр задумывается. Медленно бьют большие стенные часы.

Фома. Пора будить. Сейчас у них самый сон, а по уставу надо будить! Эх, жизнь-служба!..

Фома пошел будить лицеистов; слышен его стук в комнаты спящих и оклики: «Очнитесь, сударь, – пора», «Господин Дельвиг, время, и под подушкой не спят, вставайте без обмана!», «Вильгельм Карлыч, господин Кюхельбекер, подымайтесь по малости!», «Сами поднялись: спасибо, сударь!»

Александр слушает, затем читает, что он написал, вырывает лист из альбома и комкает его.

Александр. Плохо. Пользы нету!

Слышатся легкие приближающиеся шаги. Стук тростью об пол: просьба о разрешении войти.

Александр(настораживаясь). Кто там?

Входит В. А. Жуковский.

Жуковский. Не рано ль я к тебе? Здравствуй, друг мой!

Александр (весь оживляясь, бросается к Жуковскому). Здравствуйте, здравствуйте, Василий Андреевич! Не рано, не рано, а поздно – я уже давно не сплю! Садитесь здесь, нет – лучше тут! (Александр суетится, усаживая гостя и оправляя постель).

Жуковский. Сочинял?

Александр. Плохо. В душе было прекрасно, а в стихах вышла гадость... Василий Андреевич, отчего это бывает?

Жуковский. Покажи, дружок.

Александр подает скомканный лист. Жуковский читает, добрая улыбка радости является на его лице. Александр стоит перед ним смущенный, в ожидании приговора. Жуковский тщательно разглаживает измятый лист бумаги.

Жуковский. Ты ничего не понимаешь!

Александр. А чего я не понимаю?

Жуковский. Себя не понимаешь – значит, ничего не понимаешь... Я бы не сумел сочинить таких стихов, как эти твои, – ни теперь, да и прежде. Может быть, один Гаврила Романович сумел бы, и то – не знаю, нет, не знаю...

Александр. Державин и вы лучше всех!

Жуковский. Не знаю. Теперь я не знаю... Ах, драгоценный ты мой! Какой в тебе дар!.. Ты мучаешь меня, я тебя боюсь, как видения из того дальнего мира, из лучшего мира, чем наш... (Жуковский подходит к окну). Вот дивная природа, – гляди, она только дорога наша в мир, еще более прекрасный... мы все туда стремимся, а ты пришел к нам оттуда...

Александр(озадаченный). Я там не был!

Жуковский(убежденно). Был. В том есть достоверность моей души, а это самая точная достоверность, и вот (предъявляя Александру лист со стихами)... вот твоя подорожная оттуда.

Александр. А я там не был! Нигде я не был, я тут.

Жуковский. Был!.. Ты был там! И я пришел к тебе затем, чтобы напомнить, кто ты таков!

Александр. Кто я таков? А вот... (Он вынимает из стола тетрадь, подает ее Жуковскому).

Здесь известно, кто я таков.

Жуковский (читает в тетради). «Шалун»! Написано, что ты – шалун! – и заверено: учитель чистописания Федор Калиныч. (Возвращая тетрадь). Хоть глуп ваш Федор, а правду написал... Вот именно: шалун ты, братец! И шалун ужасный, но про то ваш Федор еще не знает... (Жуковский вынимает из внутреннего кармана листки со стихами, показывает их по очереди Александру). Кто это сочинил?

Александр(улыбаясь). Я!

Жуковский. А это?

Александр(задумчиво). Тоже я!

Жуковский. Тоже ты... А вот это?

Александр (смотрит в листок и поникает в грусти). И это я.

Жуковский. И это ты... (Прячет листки обратно к себе). Я знаю, что ты... Дало тебе небо дар великий, а ты его расточаешь напрасно. А какое ты имеешь право так делать, Александр Сергеевич, кто ты таков? Не твой это дар, что носишь ты в себе, он для всей Руси нашей дан, он – добро всех обездоленных... Ты молод еще, но разум твой созрел, и ты должен иметь истинное понятие.

Александр. А истина, она где?

Жуковский. В тебе, Александр Сергеевич, а вокруг тебя Русь!..

Александр. В ней грустно, она несчастна.

Жуковский. Вкруг тебя Русь, я говорю, – ее нужно одушевить добром, ей нужно дать понять, чтоб она сама себя осознала, что она существует. Иначе ее как бы нет!

Александр(машинально). Ее как бы нет!

Жуковский. Гаврила Романыч стал ветхим, он ушел от дел. Я слаб. Другие ложны или бесчестны. А в тебе есть, что надобно нашему отечеству: в тебе пребывает одухотворение всех бедных сердец живою прелестью. Прелесть же есть не забава, а сила и государственная польза... Так почему же ты уничтожаешь свою силу во зло!..

Александр. А пусть зла лучше не будет!

Жуковский. А что зло?.. И государь тебе не по нраву, и в знатных вельможах ты видишь лишь глупость и недостатки природы... Без них, однако ж, отечество наше состоять не может, – тому и примера нигде нету.

Александр вдруг громко рассмеялся, и вот уже опять умолк и со вниманием глядит на Жуковского.

Жуковский. Это что же с тобой? Что смешного в правде?

Александр. Я нечаянно...

Жуковский. Что нечаянно?

Александр. Это мне нечаянно стало смешно... Я вспомнил, как один генерал растолстел от славы и еле пролез в триумфальную арку, ему там узко.

Жуковский. Ты это государя имеешь в виду? Фу, гадость какая, – мерзость и клевета! Тебе не стыдно, Пушкин?

Александр (опять рассмеявшись). И теперь надо ту арку рубить прочь! Пусть ее рубит Аракчеев... Василий Андреевич, а вы сами знаете, ведь Аракчеев глупый и злой, – почему без него отечество наше не может состоять? Почему нету вольности и есть рабство?

Жуковский. Вольность – дар величайший, к ней надо воспитать русский народ... В диком же сердце вольность взрастет лишь злодеянием и гибелью, она погубит того, кто ее недостоин... Твоя сила другая. Ты одушевляй добром и небесной прелестью поэзии темные сердца, – может быть, ты призван быть душой России! Так будь ею! А ты, ты идешь в бунт, в злое раздражение, ты идешь в погибель, и твоя Муза плачет... Разве ты не волен, – какая тебе нужна вольность?

Молчание. В природе сияет утро.

Александр. Вольности никто не знает, ее нету...

Жуковский. Так не тревожься о ней прежде времени.

Александр. А я чувствую, Василий Андреевич, я чувствую: вольность и поэзия – одно и то же, и душа России – вольность.

Жуковский. Нет, Александр Сергеевич, нет! Вольность – это жизнь людей на земле, а поэзия сообщает наши души с вечным небом. Поэзия превыше вольности.

Александр. Нет.

Жуковский. Да, Александр Сергеевич. Это правда.

Александр. Нет, это неправда, Василий Андреевич... Неправда! Все небесное должно стать земным, – к чему тогда небо! В том и поэзия!

Жуковский. Ты рассуждаешь, как крепостной человек... Гляди, Александр Сергеевич, твоя Муза – богиня, а ты презрешь ее, и она станет черной бесплодной нищенкой.

Александр. А пусть... Пусть моя Муза будет не дочерью богов, а дочерью Кузьмы и Акулины, Машкой или Дуней. Пусть она будет бедной, но с честью на челе, тогда она будет божеством...

Жуковский. Как грустно, Пушкин! Мне жалко, что ты родился надеждой России, и вот эта надежда опять не исполнится. И опять не одушевится наша бедная земля светлым духом, и тогда она омертвеет надолго... Надолго, а может быть – навсегда!

Молчание. Александр неподвижно глядит на Жуковского.

Жуковский. А ты желаешь уйти с пути славы и величия, с пути своего счастья, ты желаешь уйти на путь своей гибели... Боже мой, сколь охотно идут туда люди, – бесцельно, безжалостно к себе, без смысла для государственной пользы...

Александр. И среди них прекрасные, возвышенные души! Сколь я ничтожен пред ними, Василий Андреевич...

Жуковский. О чем ты сожалеешь? Ты не ровня им, ты выше их всех, а они ничтожны... Зачем тебя влечет к разбойникам? Бог привел тебя к нам и указал твое призвание, так слушайся его веления... Не мне, не нам тебе напоминать! Но ты слаб к рассеянной жизни, слаб к заблуждению... Я должен тебя удержать, я должен помочь тебе советом; я вижу – не могу помочь. Слаб я пред тобою... Но если ты не послушаешься, так я буду молить тебя внять моим словам. Не веришь мне, поверь России, ее же ты чувствуешь и любишь...

Александр бросается к Жуковскому и обнимает его.

Александр. Я не буду, я больше не буду!

Жуковский (прижимая к себе Александра). Чего, чего ты не будешь?

Александр. Не буду обижать добрых.

Жуковский. А государь, а граф Аракчеев, – поверь, они тоже добрые!

Александр. Они – нет! За ними рабство!

Жуковский. И что тебе – ты разве им судья? Оставь их... Не будешь более?

Александр. Буду!

Жуковский (после краткой паузы). Погибнешь, Пушкин!

Гортанным долгим голосом вскрикивает птица в лицейском саду.

Александр. Кто это?

Жуковский. Лебедь... Это лебеди на озере.

Александр. А ведь они свободнее людей, Василий Андреевич, им лучше!

Жуковский. Они свободны, но они неразумны.

Александр. Мы не знаем их разума... Хорошо бы, чтобы все шло скорее!

Жуковский. Что – скорее, что это значит, какой в том смысл?

Александр. Мы все томимся, Василий Андреевич... Может быть, и государю плохо. Мы томимся и самое важное дело откладываем на будущий день... Мы думаем – вот наступит будущий день...

Жуковский. Какой будущий день?

Александр. Когда наступит вольность! А прежде нее лишь томление...

Жуковский (сдерживая глубокое чувство). Ах, не будь ты ничем, Александр Сергеевич, – ни поэтом, ни мудрецом, ни вельможей, но живи с нами долго-долго, живи незаметно и кротко и не оставляй нас!..

Александр(улыбаясь). Я так и хочу жить, Василий Андреевич. Я смиренно буду!

Жуковский (с нежностью касается плеча Александра, прощаясь с ним). С нас и малости сей достаточно. А там видно будет.

Александр. А там видно будет!

Является Энгельгардт, директор Лицея. Позади Энгельгардта присутствует Фома.

Энгельгардт. Здравствуйте, Василий Андреевич, здравствуйте, батюшка!

Жуковский. Здравствуйте, здравствуйте, почтенный Егор Антонович!

Энгельгардт. Как одолжили, как одолжили, что почтили своим посещением! Как одолжили, сударь мой, Василий Андреевич!

Жуковский. Чем же я одолжил вас, Егор Антонович? Скорее, я сам одолжаюсь здесь...

Энгельгардт здороваётся с Александром, по-отцовски обняв его.

Жуковский. У вас в Лицее цветет юность, надежда отечества. Созерцать юность – наслаждение, поэтому, пребывая у вас, я сам одолжаюсь, мне же здесь никто не обязан.

Энгельгардт. Как можно, как можно так говорить, Василий Андреевич! Вы Жуковский, вы первейший источник духовного питания нашего юношества, вы зодчий их нравственного благообразия...

Жуковский. Зодчий нравственного благообразия – это уж вы, Егор Антонович. Без ваших забот и самая звучная лира не достигнет глубины юного сердца. Вы здесь поводырь и первый наставник.

Энгельгардт (старчески благодушно). А что ж, это правда, Василий Андреевич, это правда. Я здесь поводырь у Музы поэзии... Как это вы истинно возвышенно обращались к его превосходительству, первому наставнику Московского университета, Михаилу Матвеевичу Хераскову, – в ту пору, когда ему пожалован был орден святой Анны:

Еще, Херасков, друг Минервы!
Еще венец ты получил!
Сердца в восторге пламенеют
Приверженных к тебе детей,
Которых... которых...

Ах, не помню дальше, Василий Андреевич, забвение нашло на память...

Жуковский. Которых нежною рукою ведешь ты в храм святой наук...

Энгельгардт. Вот именно, вот именно! Я вспомнил:

И здесь и там нас ждет награда:

Здесь царь венчает, а там – бог!

Александр громко рассмеялся и умолк.

Жуковский. Ты чего?

Энгельгардт. Что с вами, сударь?

Александр (указывая в окно). Это я на него!

Жуковский и Энгельгардт оборачиваются к окну и наблюдают.

Жуковский. Никого нету!

Энгельгардт. Пустынно совершенно!

Александр. Он спрятался.

Жуковский. Кто?

Александр. Неизвестно. Глупец какой-то.

Энгельгардт. Какой глупец? Ах, сударь, не следует вам хотя бы и чувством подчиняться глупцу.

Александр. Я не буду.

Энгельгардт. Не следует, не надо, милый.

Фома. Они малолетни еще!

Энгельгардт. Это хорошо, что малолетний. Малолетство – юность!

Фома. А что хорошо: от малолетства и глуп. Пусть скорее растет – образумится. Я видел – дурака снаружи не было, а он смеется, – чему такое?

Энгельгардт. Да, чему такое?

Жуковский. Глупец был здесь. Это он на меня смеялся, моим плохим стихам... Правда, Пушкин?

Александр. Правда...

В сильном смущении он закрывает лицо руками.

Энгельгардт. Неправда, не верю: стихи прекрасны и благородны!

Александр. Я не мог овладеть своим чувством. Жуковский. А и не надо. Ты прав. Хрипят, должны бы ударить, но не бьют лицейские стенные часы.

Фома. Гляди-ко, завтракать в Лицее пора, да и заниматься время тож!

Энгельгардт. Пора, пора... Эко время идет, Фома!

Фома. Идет, Егор Антонович, идет... как кульер бежит... Проживешь – и не выплещешься, некогда!

Жуковский прощается с Александром и уходит; за ним уходит и Энгельгардт.

Александр. Фома! Фома. Чего, сударь?

Александр. Принеси мне булку от завтрака.

Фома. Чего же одну булку!.. Можно и кофею принести, и масла, и сыру, – что вам полагается.

Александр. Одну булку давай!

Фома. Помягче?

Александр. Черствую!

Фома. К чему так – черствую?

Александр. Зубы хочу точить!

Фома. А пить чего будете?

Александр. Вон там – в озере у лебедей напьюсь.

Фома. Как вам желательно! (Уходит).

Вдали слышится духовая военная музыка; затем – дробь барабана. Это развод караулов в Царскосельском дворце. Тишина. Слышится хруст робких шагов по гравии за окном, и появляется старуха с кошелкой, собирающая по саду сор и сухую листву, – это Фекла, которую видно было вдали в этом действии. Фекла, увидев Александра, наблюдающего ее, кланяется и уходит в сторону.

Александр. Бабушка!

Фекла (снова кланяясь). Здравствуйте, батюшка-сударь! Здравствуйте, благодетель!

Александр. Ты чего ходишь, бабушка?

Фекла. А я не даром хожу, батюшка: я тут в должности состою. Видишь, я в саду прибираю.

Александр. Ты бедная, бабушка?

Фекла. Нету, нету, – отчего я бедная? Дома в деревне я сыто жила.

Александр. А зачем ты из дому ушла?

Фекла. Душа велела уйти. Тут я при могиле живу.

Александр. При могиле живешь?

Фекла. При могиле. Истинно так.

Фекла приближается к окну, Александр склоняется к ней навстречу через низкий подоконник.

Александр. Расскажи мне, бабушка...

Фекла. А чего-сказывать-то, родной?

Александр. А скажи, что у тебя на сердце лежит!

Фекла. А на сердце у меня сын родной лежит... Был у меня сын-первенец, да один он и был. Взяли его в службу царскую – собой он большой, видный был, на разум понятливый, взяли его в царский полк. Осьмнадцать лет прослужил, на девятнадцатом его палками насмерть забили...

Александр. А за что его палками?

Фекла. Сказывали, пред царем провинился...

Александр. А правда, провинился?

Фекла. Чего – правда? Пред царем правда, а пред матерью – другая. Да мать-то не спросили – и палками его насмерть...

Александр. И ты терпишь – живешь?

Фекла. Терплю... Вон там он и схоронен, близу села Павловского, там его и могила... На вечер-то я каждый день туда хожу. Приду и песню ему спою, побаюкаю его, чтоб спал он смирно и кости его битые отдохнули. Пусть покоится!

Александр. Ты баюкаешь его?

Фекла. Баюкаю, родной, баюкаю... Как в детстве его, бывало, когда он еще в младенчестве был, колыхала я его зыбку и песню ему колыбельную певала, – так и нынче тую же песню ему напеваю... Да до прежде-то у меня голос чистый был,

а теперь я шепчу ему, – думается только, что пою... Евсеем Борисевкиным его звали, Миронов сын, может, слыхали такого?

Александр (изменившийся в лице). Евсей Борисевкин, Миронов сын?

Фекла. Он, батюшка! Вы-то не глядели, как его насмерть убивали? Не запомнили?

Александр. Нет...

Фекла. А люди видели... Спрашиваю, хожу, да не сыщу никак того, кто-видел-то...

Александр. Я сыщу тебе того...

Фекла. Сыщи, батюшка!

Александр. Я сыщу того, кто велел его убить.

Фекла. И того сыщи!

Александр. Возьми деньги, помяни своего сына.

Фекла. Спасибо, батюшка, благодарствую, – ничего нам не надобно. Я и свое-то добро, что было, людям раздала. Ты живой, ты купи себе на деньги, чего нужно. А мы – так.

Александр. Пойдем сейчас к нему, пойдем к твоему сыну. Спой ему песню.

Фекла. Теперь не время. Вечером надо, на долгую ночь.

Фекла уходит от окна. Александр бросается на постель вниз лицом.

Александр. Убегу! (Вскакивает и зовет). Фома! Фома! А где моя одежда, куда я ее ввечеру положил?

Является Фома с булкой на тарелке.

Фома. Отойти нельзя. По ночам не спят, по утрам не умываются, не завтракают... Покою нету... Чего вы, сударь?

Александр (нашедши верхнюю одежду). Ничего.

Фома. Кушайте, а то науками заниматься пора.

Александр. Я все знаю. Я убегу, Фома!

Фома. Куда?

Александр. По делу.

Фома. Эх, сударь, накажут вас... По первости – словом обидят, потом и розгой могут, а в конце и кандалы наденут.

Александр. Кандалы я прочь разорву!

Фома. Разорвет он! А кузнецы-то у нас, даром, что ль, они хлеб казенный едят?..

Являются Пущин, Дельвиг и Кюхельбекер; каждый из них несет по тарелке, на которых разложен завтрак Пушкина.

Пущин. С добрым утром, Саша! Ты опять недоволен?

Фома. Опять!

Пущин. Чем ты недоволен, Саша? Кто к тебе утром приходил?

Александр. Я доволен... У меня Муза была.

Пущин. Муза? Откуда же она явилась?

Александр. Оттуда.

Пущин. Как же она прошла сюда, в Царском – часовые!

Кюхельбекер. Музы – мнимость. Духовные твари должны быть невидимы.

Дельвиг. А какова собою она, Саша, – мила, прелестна?

Александр. Нет, она нехороша.

Дельвиг. Слушай, Саша! А нельзя было ее в мешок поймать – пусть она за нас стихи пишет!

Фома. Никто не являлся. Тут посторонних не бывает, я гляжу.

Пущин. С добрым утром, Саша! Отчего ты меня не замечаешь?

Александр(веселея). С добрым утром, друзья... Спасибо вам, не забыли меня, старика!

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Комната в квартире Чаадаева. Весна. Чаадаев ходит по комнате из угла в угол строгим учебным шагом. Затем делает пустыми руками артикул и внешне успокаивается.

Чаадаев. Учебный шаг, учебный шаг, церемониальный марш. Простое дело будто, первейшее неперемное обучение войска, наряду с прочим обучением. Так оно и есть, да не у нас. У нас этим учебным шагом чуть было не затоптали насмерть Россию. У нас только и был учебный шаг, а к нему ничего более. Из него шла вся мудрость государственная. И еще – церемониальный марш! Костями клали солдата ради него!.. Тяжко, однако, жить лишь размышлением, и напрасна мысль у нас... А в сражениях что было? Ведь в сражениях действует не столько солдат, сколько человек, и человек высокий и духовный, любитель своего отечества. Спасибо Михаилу Илларионовичу Кутузову – и вечная ему слава. Он понял русского человека и не помешал ему. Однако же истинное руководство не в том, чтобы не помешать герою, а быть умом и предвидением впереди него – и не расточить попусту ни силы, ни жизни... Ах, сколь бесплодно размышление, сколь полезно действие! (Чаадаев пребывает в томлении и в одиночестве; он подавляется грустью; вынув саблю из ножен, он глядит на нее и, вздохнув, молча кладет на стол). Сирота наша Русь, круглая сирота... И царь у нее есть, да не отец он для России, а отчим, и Русь ему – чужая падчерица. Но не оставим мы своею любовью, своими слезами и своею силой сию бедную и добрую, сию прекрасную Русь! (Чаадаев хватает обнаженную саблю и вновь кладет ее, заслышав стук в дверь).

Входит Варсонофьев. Он здоровается с Чаадаевым – сначала как военный, затем целует Чаадаева в щеку, и Чаадаев ему отвечает тем же.

Варсонофьев(усевшись в кресло). Прощай, Петр! В Париж еду с особым поручением! Чего прикажешь привезти? Духи, белье, сушеные фрукты из Индии, вино...

Чаадаев. Спасибо. Я ни в чем не нуждаюсь.

Варсонофьев. К родной капусте привык! Может, новейших книг?

Чаадаев. И книг не надо...

Варсонофьев. Что так? Сам умен – да? Ах, Петр, Петр – ты гвардии мудрец!

Чаадаев. В нынешних книгах нет ответа на сокровенные вопросы человечества... Я их читал.

Варсонофьев. Нет ответа на вопросы... А ты не имей вопросов, забавней будет жить... Слушай, едем со мной!

Чаадаев. Что говоришь! Я на службе!

Варсонофьев. К чему тебе служба? Бежи ее!

Чаадаев. Ты глуп, Василий Прохорович!

Варсонофьев. Слыхал, слыхал уже, да я не верю, не верю, Петр Яковлевич... А ежели и правда, – так я глуп, да весел, а что в твоём уме? Печаль да скука! Но неужели в печали истина? Нет, мудрость, по мне, дело веселое, – ну вроде, как бы тебе сказать...

Чаадаев. Вроде французского кордебалета...

Варсонофьев(смеясь). Так точно, так точно! Ах, Франция! Я там буду!

Чаадаев. Ничего там существенного нету.

Варсонофьев. Как ничего нету? А где же тогда что-нибудь?

Чаадаев. Нигде... Лишь у нас на Руси есть нечто существенное, и я за честь считаю быть ее сыном, – но спит еще Россия...

Варсонофьев. Пробуди ее, и я никуда не поеду!

Чаадаев. Бессмысленный ты человек.

Варсонофьев. А начальство меня ценит: говорит, к службе горазд и отечеству храбрая сабля.

Чаадаев. Начальство не равно отечеству.

Варсонофьев. А ты полагаешь, должно, что ты равен России и один за нее думаешь?

Чаадаев. Я равен рабу, как и она.

Является Александр. Он встревожен и обеспокоен.

Александр. Здравствуйте! Здравствуйте, Петр Яковлевич, и вы – я забыл, я вспомню, – здравствуйте, Василий Прохорович!

Варсонофьев. Верно, верно! Здравствуй, Алеша!

Александр. А я не Алеша!

Варсонофьев. А все равно! Значит, ты Павел или Володя!

Александр. Нет, нет! (Смеясь). А все равно!

Варсонофьев. Все равно, Николай, все равно.

Александр(хохочет). Опять я не он – я не Николай!

Чаадаев. Это Пушкин! Неужто не слышал?

Варсонофьев. Пушкин? Сроду не слышал! Здравствуй, Пушкин!

Александр. Здравствуй, Прохоров Василий!

Варсонофьев. Правильно: по отцу я Прохоров.

Александр. Петр Яковлевич! Петр Яковлевич, а у вас в полку был такой солдат, звали его Евсей Миронов Борисевкин?

Чаадаев. Борисевкин, Евсей Миронов... Не помню. Нет, такого не было, я бы помнил его.

Варсонофьев. Евсей Борисевкин? Как же не помнить! Это же нашего полку старослужащий солдат, он в моей роте служил...

Чаадаев. И что с ним случилось?

Варсонофьев. А ничего – помер солдат.

Александр. Его убили!

Чаадаев. Кто убил?

Александр (на Варсонофьева). Они!

Варсонофьев. Над тем рядовым Борисевкиным была произведена экзекуция. Никаких нарушений от установленных правил не было...

Чаадаев. Кто руководил той экзекуцией?

Варсонофьев. Командир роты, где служил Борисевкин, – так предписано положением, и в присутствии...

Чаадаев(перебивая). А командир роты – это ты?

Варсонофьев. Я, несомненно.

Чаадаев. Вот что... Так не в печали, ты говорил, истина, а в веселье, и к службе ты горазд, и отечеству храбрая сабля... Ты не сабля, а палка – смерть солдатская! Пошел вон отсюда!

Варсонофьев(в гневе). Что такое?

Чаадаев. Вон!

Александр. Вон отсюда!

Варсонофьев(инстинктивно хватаясь за свое личное оружие). Не касаться меня!

Александр в ответ хватает чаадаевскую обнаженную саблю, лежавшую на столе.

Варсонофьев. Не прикасайтесь ко мне, я говорю!

Чаадаев. Уходи прочь! Мы не будем мараться об тебя!

Александр. Он трус!

Варсонофьев уходит, держась за свое оружие, но не обнажая его. Чаадаев отбирает у Александра саблю и кладет ее.

Александр (в благородной ярости). Я рассечь его хотел – какое это счастье!

Чаадаев. Да, это счастье – рассечь мучителя и палача. Я вижу, ты можешь быть и воином.

Александр. Могу, и я им буду... Если б он не струсил, я бы ударил его!

Чаадаев. Ударишь... еще будет время.

Александр. Нету времени! Я его догоню сейчас и изрублю! Дай мне твой пистолет!

Чаадаев. Нельзя, нельзя. Успокойся, дорогой... Будет время!

Александр. Когда будет время? Не будет его, нужно сразу!

Чаадаев. Что нужно сразу?

Александр. Все!

Чаадаев. Что все?

Александр. Все, а то не будет нам ничего.

Александр вынимает из кармана сухую булку, что принес ему в Лицее Фома, разломил ее пополам, подвинул половину Чаадаеву, а другую половину начал грызть сам.

Чаадаев. Погоди... От такого хлеба у тебя во рту сухо.

Александр. Не сухо, я сгрызу.

Чаадаев выходит в кухню и приносит оттуда кувшин с молоком и одну чашку. Александр ест булку, запивая ее молоком.

Чаадаев. Крестьяне тоже хлеб сухой едят, его съедается меньше.

Александр. Они черный едят, они живут в рабстве.

Чаадаев. В рабстве, Александр...

Александр. А когда вольность будет? Нужно, чтобы она сразу была!

Чаадаев. Нельзя сразу... Но тебе лучше думать о Музах, Александр. Иди к Музам, там ты встретишь свободу.

Александр. Не пойду. Пусть Музы приходят к нам. Нынче утром Муза приходила ко мне...

Чаадаев(заинтересованный). Какая Муза? Я никогда не видел Муз и не увижу, – и есть ли они?

Александр. Есть, я видел.

Чаадаев. Какова же она? Что она говорила, – или она молчала?

Александр. Она бедная, грустная, она была русская Муза. Она говорила... она говорила мне... (Лицо Александра покрывается внезапными слезами, и он опускает голову на стол).

Чаадаев. (как бы про себя). Вон какая Муза являлась к тебе! Такую Музу и я видел, пожалуй!.. Прекрасный мой, не волнуйся, не волнуйся более. То была у тебя истинная Муза! Ты радуйся!

Александр. Я не волнуюсь, все прошло.

Чаадаев. Что она сказала тебе, или она безмолвствовала?

Александр. Она сказала, сын ее убит.

Чаадаев. Как можно так, я и мысленно не представляю! Камена – замужняя, у Камены дети? Разве Музы семейные? Ты шутишь, но ты плакал... Ты сумасшедший, Пушкин!

Александр. Ты сам сумасшедший!

Чаадаев. Почему я сумасшедший?

Александр. Ты понимаешь рабство, а сам в рабстве живешь!

Чаадаев(задумываясь). Отсюда ты прав: я сумасшедший.

Александр. Она безумная, она поет колыбельные песни умершему сыну, она баюкает мертвых на долгую, вечную ночь!

Молчание.

Чаадаев. Говори мне далее.

Александр. Она безумная и нищая от рабства, она скоро умрет. Ты понимаешь меня?

Чаадаев. Я понимаю.

Александр. Я не могу более ничего сочинять, когда она нынче горестна и безумна, а завтра будет мертва. Я сам безумен буду!

Чаадаев. Да, но зачем нужна вольность твоей безумной Музе?

Александр. Какая Муза! Она не Муза, ее зовут Фекла... Ко мне нынче поутру приходила старуха, мать солдата Борисевкина...

Чаадаев. Вот что было! Она возвышеннее и священнее всех этих Муз!

Александр. Возвышеннее и священнее всех Муз – это правда, я видел ее... И верно, ей вольность уже не нужна, она скоро умрет... Но она оттого безумна и оттого умрет, что не сбылась у нас вольность. И все мы бесчестны!

Чаадаев. Вольность суть призвание России и главная ее обязанность! А мы бесчестны, пока рок рабства мешает отечеству исполнить его высшее призвание...

Александр. Ты умный, я люблю тебя.

Чаадаев. Я люблю тебя еще более, чем ты.

Александр. Нет – я! Нельзя более меня! А то я тебя...

Чаадаев. Что ты меня?

Александр. А то я тебя ударю!

Чаадаев. Ну, хорошо... Не бей только! Пиши, Пушкин! Пиши свои стихи, в них же есть тайная музыка свободы...

Александр. А как писать, я не могу их писать: у нас все Музы умирают!

Чаадаев. Умирают?

Александр. Да, они умирают, их не будет...

Чаадаев. Но все одно – ты и по нечаянности будешь сочинять.

Александр. Я и по нечаянности буду... А сколько было бы лучше, если бы я мог сочинять по свободе и по размышлению!

Чаадаев. Это будет при вольности.

Александр. Тогда всякий будет поэтом, тогда Музы будут жить в русских избышках, а в деревянных колодцах забьют касталийские родники!

Чаадаев. А я и тогда не стану поэтом...

Александр. А кем будешь? Дельвиг будет лодырем, он говорил.

Чаадаев. Я буду, кем был, – буду солдатом. Я боюсь за вольность, пожрут ее.

Александр. А кто пожрет?

Чаадаев. Неизвестно, а может так стать...

Александр. А ты сторожи!

Чаадаев. Хорошо, я буду сторожить... Ты, может быть, еще кушать хочешь?

Александр. Не хочу. Я к тебе по делу!

Чаадаев. Сказывай твое дело... А то скушай яичницу, тебе надо кушать.

Александр. Не надо, мне некогда... Петр Яковлевич, устрой вольность на Руси!

Чаадаев. Как можно – так вдруг?

Александр. А все бывает вдруг! Зачем томиться? Ступай к государю – скажи ему. Ты ведь офицер!

Чаадаев. Ты наивен, милый друг мой, сердце твое доверчиво и чувствует просто... Государь казнит меня!

Александр. Тогда ты возьми власть над государем – и объяви вольность.

Чаадаев(улыбаясь). Да, это легко и приятно!

Александр. Нет, это страшно! Но зато легче, чем жить в рабстве. А то жизнь будет потеряна даром...

Чаадаев. Как ты сказал? Да, жизнь может быть потеряна даром...

Александр. А государь трус, и они все трусы, ты их не бойся.

Чаадаев. Умолкни! Я сам знаю, что мне делать.

Александр. Я хочу иметь высокую цель жизни! Скажи, что я правду говорю, мне будет легче жить.

Чаадаев. Так... Так слушай: я сам изберу первый час вольности, я знаю срок ее рождения. А сейчас ей времени еще нету!

Александр. Ты трус!

Чаадаев(разгневанно). Молчать!

Александр. Трус!

Чаадаев. Ты безумец!

Александр (в ярости). А ты враг отечества, ты длишь его рабство! Есть в доме пистолеты?

Чаадаев. Есть!

Александр. Давай стреляться!

Чаадаев. Ты молод еще, чтобы оскорблять и стреляться!

Александр. Молчать!

Чаадаев бросает на стол два пистолета.

Чаадаев. Жребий будем тянуть?

Александр. Нет. Я вызываю вас. Ваш выстрел первый!

Чаадаев. Хорошо. Ваши условия?

Александр. Любые, которые вы мне поставите!

Чаадаев. Отлично. По одному выстрелу, в этой комнате, дистанция – расстояние меж двух противоположных углов.

Александр. Согласен. Скорее!

Чаадаев. Становитесь!

Противники становятся на свои позиции – в противоположные углы комнаты. Александр стоит спокойно, с опущенным пистолетом в руке. Чаадаев медленно наводит свой пистолет на Александра, нацелился – и держит пистолет на линии выстрела; кладет палец на спусковой курок, Александру надоело ожидать: он отворачивается, глядит рассеянно в весенний день за окном, затем опять спокойно, неподвижно смотрит на Чаадаева.

Чаадаев быстрым движением прикладывает дуло пистолета к своему виску. Александр одно мгновение следит за Чаадаевым огненным взором – и враз, роняя свой пистолет, бросается на Чаадаева; с ловкостью и могучей силой Александр хватает правую руку Чаадаева и скручивает ее – дуло пистолета в этот момент случайно обращается прямо в лицо Александра. Чаадаев разжимает пальцы, пистолет падает на пол. Чаадаев в изнеможении садится. Александр смущенно протягивает ему руку. Чаадаев, взяв руку Александра, приближает его к себе и целует Пушкина.

Чаадаев. Не надо так... обижать меня... Я тоже бедный человек.

Александр. Прости меня, я больше никогда тебя не обижу...

Чаадаев. Не надо больше... В тебе сердце, и во мне сердце...

Александр. Я теперь один добуду вольность, никого не стану просить.

Чаадаев. Как же... каким средством ты добудешь вольность один?

Александр. Сейчас не знаю, но я придумаю средство.

Чаадаев. Выдумаешь? Как же ты его придумаешь?

Александр. Не знаю... Я буду биться в неволе...

Чаадаев. Трудное твое средство!

Александр. Трудное... Но пока живой, я буду биться в неволе.

Чаадаев. Другие не бьются, а порхают в клетке, – подлецы!

Александр. Подлецы!

Стук в дверь. Является Дельвиг.

Дельвиг. Здравствуйте, господа... Здравствуйте, Петр Яковлевич! Я к месту или нет?

Чаадаев. Садись, садись, Антон Антонович, – честь и место, честь и место.

Дельвиг (поднимая с пола пистолеты). Кто дрался? Пушкин! С кем?

Александр. С противником.

Дельвиг. А где он?

Александр. Я его к тебе послал – занять денег и купить вина.

Дельвиг. Значит, мы с ним разминулись, как жалко: я бы вызвал его! Зачем ты дерешься, Саша, с кем попало? Дерись со мной, я тебя давно прошу.

Александр. Зачем с тобой драться?

Дельвиг. Я уже говорил, – я буду постоянно при тебе в должности трупа.

Чаадаев. Ах, Дельвиг, вон вы какой!

Дельвиг. Какой? Я сам себя не вижу.

Чаадаев. Вы славный, Дельвиг... Я второй день постничаю, давайте поедим немного.

Александр. Горького хлеба?

Чаадаев. Нынче хлеб наш сладкий, – мы этот хлеб отработаем.

Александр. Как мы его отработаем?

Чаадаев. Честью сердца, может быть – жертвой своей жизни.

Александр. Давай тогда его кушать!

Дельвиг. Саша, завтра у нас экзамены!

Александр. Пусть!

Дельвиг. Что – пусть? Слышно, Державин будет. Что ты прочтешь из русской словесности? Прочти стихи самого Державина.

Александр. Я свои стихи прочту.

Дельвиг. Которые, Саша?

Александр. Новые стихи, я их сочиню нынче в ночи. Я давно их задумал – стихи о вольности...

Чаадаев. Не надо, не надо, Пушкин! Сочини эти стихи после экзамена.

Александр. Я хочу сочинить их нынче.

Дельвиг. Прочитай что-нибудь прелестное и тихое.

Александр. Иди ты прочь!

Чаадаев. Прочитай им «Воспоминания в Царском Селе». В нем сокрыта слава русского народа, там поминается Державин, там музыка великой нашей мощи...

В дверь слышится слабый стук; его не слышат действующие на сцене лица.

Александр(улыбаясь). А правда, там есть мощь России против ее врагов:

Да снова стройный глас герою в честь прольется,

И струны трепетны посыплют огонь в сердца,

И ратник молодой вскипит и содрогнется

При звуках бранного певца.

Входят Пушин, за ним Кюхельбекер.

Пушин. «И ратник молодой вскипит и содрогнется при звуках бранного певца». Можно к вам, господа?

Все здороваются и приветствуют друг друга. Чаадаев по-холостяцки, то есть небрежно и быстро, собирает на стол угощение, доставая кое-что из скудных своих запасов.

Кюхельбекер(Александр). Скажи мне, как ты соединяешь в стихах своих силу с музыкой?

Александр. Не знаю.

Кюхельбекер. Лжешь! Как же ты пишешь, когда не знаешь? Так не бывает!

Александр. А ты узнай, брат Кюхля.

Кюхельбекер. Я узнаю... Я десять раз переписал эти твои стихи, чтобы узнать.

Пушин. Узнал, Вильгельм?

Кюхельбекер. Ничего не узнал. Я еще перепишу!

Александр (к Пушину, с нежностью). Ну как, Жан? Ах ты, Жан!

Пушин(сияя от дружеского счастья). Ах ты, Саша, Саша! Брат мой милый, скучно мне без тебя! Не живется и не учится...

Александр. А со мной?

Пушин. А с тобой... С тобою мне всегда хорошо, и все можно стерпеть.

Дельвиг. Даже взор ее можно стерпеть!

Александр. Чей взор?

Дельвиг. Ее!

Пушин. Я не знаю, как ее зовут. Антон, ты видел ее?

Дельвиг. Конечно. Прелестное создание природы и духа!

Александр. Скажите скорее, кто она, кого вы видели?

Кюхельбекер. Не говорите ему! Мы одни видели ее, когда шли сюда!

Дельвиг. Я видел ее прежде вас всех! Вон там она проходила... (Указывает в окно в парк).

Кюхельбекер. Не говорите ему!

Александр. Молчи, Кюхля! Скажи мне, Жан, скажи, Антон! А ты, Кюхля, молчи лучше!

Кюхельбекер. А что – ты вызов бросишь? Я давно хочу увидеть своего покойного родителя.

Александр. Успеешь, успеешь еще. Живи, брат мой...

Дельвиг. Без Кюхельбекера – Россия сирота.

Кюхельбекер (серьезно и гневно). Врешь, брат! Это Кюхельбекер сирота без России.

Чаадаев. Успокойтесь, Вильгельм Карлович... Не шутите, господа! Сей Вильгельм любит Россию не меньше любого Ивана и Петра! Прошу к столу, – чем бог послал...

Гости Чаадаева усаживаются к столу, но тут же встают, ходят, опять садятся вкушать чего-либо и т. д. Внешне нет никакого порядка, но за этим беспорядком идет действительный порядок свободных чувств и слов этой дружественной компании.

Александр. А кто же это она, – ну скажите мне, а то я...

Дельвиг. Я знаю – кто она! Она прекрасна, как Муза, и добра, как материнское сердце!

Александр. Мне имя ее нужно! А то я вас...

Дельвиг(перебивая). А то ты что? Ты жуй – отощась!

Александр. Не скажешь?

Дельвиг. Нет!

Александр. Не скажешь?

Дельвиг. Нет!

Александр. До трех считаю! Раз!.. Два!.. Дважды!.. Три!

Александр хватает Дельвига, подымает его и размахивает его туловищем, собираясь выбросить его в окно.

Дельвиг. Ты умертвишь меня! Александр. А ты скажи!

Дельвиг. Не убивай меня! Я тебе ее покажу... Она – Карамзина...

Александр оставляет Дельвига.

Александр. Я думал, правда, явилось что-нибудь никому не известное.

Чаадаев. Да, в Царское прибыл Николай Михайлович Карамзин, с женой и семейством...

Александр. Она, должно, старуха?

Дельвиг. Так вот, господа... Аракчеев умер!

Общее движение и восклицания.

Дельвиг. Нет, он не умер, а он...

Шум и смех. Кюхельбекер близок к обмороку; Чаадаев его поддерживает и дает ему вина.

Дельвиг. Он умрет еще, надейтесь, господа!

Кюхельбекер. Ты, Антон... У меня сердце могло разорваться от радости, я был способен умереть.

Дельвиг. А теперь, Вильгельм, а теперь?

Кюхельбекер(грустно). Теперь у меня опять целое сердце.

Пушин. Друзья, чтобы наш Вильгельм не умер от радости, следует беречь Аракчеева!

Дельвиг. Обождите! Аракчеев не умер, а он...

Александр. А он?

Пушин. А он?

Кюхельбекер. А он жив!

Дельвиг. Не вполне! Его изувечила собственная кухарка!

Александр. Прелестная кухарка!

Дельвиг. А государь об этом узнал и поглядел на Аракчеева косо – вот так! (Показывает косой взгляд). Аракчеев слег и объявил себя при смерти, и у него еще началась изжога!

Пушин. Да здравствует изжога!

Кюхельбекер. Изжога в желудке тирана!

Александр. И кухаркина тяжкая длань!

Чаадаев. Выпьем, друзья, за могучих кухарок, в руках которых больше разума, нежели в головах иных философов!

Смех, общее оживление.

Александр. Это правда, это правда! (Указывает на Чаадаева, упираясь в него пальцем).

Чаадаев грустно улыбается.

Дельвиг. А еще говорят...

Пушин. Кто говорит? Один Дельвиг Антон!

Дельвиг. Э-э... говорят еще, в Неву кит приплыл, его ищет полиция, чтобы арестовать и выяснить его личность...

Кюхельбекер. Полиция кита не увидит!

Пушин. Никогда! Во веки веков!

Александр. Она съест его!

Дельвиг. На нем уже, говорят, катаются верхом ребятишки, и солдаты кормят его сухими щами!

Приходят Василий Львович Пушкин и с ним гвардейский офицер Захарий Петров. Приветствия и восклицания. Оживление увеличивается.

Александр (к Василию Львовичу). Дядя, правда, кит в Неве?

Василий Львович. Конечно, натурально! К нам всякая пакость плывет, бежит и едет. Порядочное к нам не прибывает, а киты, акулы, змеи, ехидны – сколько угодно, сколько угодно!

Александр. А ты видел кита?

Василий Львович. Зачем мне глядеть на всякое чудовище, на всякую гадость! Я избегаю сего зрелища! (К Чаадаеву). Петр Яковлевич, Петр Яковлевич, а стол у тебя того – убог, батюшка, убог... Где же яства?

Чаадаев. Здесь юность, она же есть лучшее яство для души...

Василий Львович. Для души! Ах так, – верно и справедливо... А ведь у каждой души, ниже ее, живот есть! Вот, батюшка, – я поэт, а рассудком здрав!

Александр (к Петрову). Захарий! Иди сюда, Захарий... Ешь сыр со мной. Где ты был, Захарий, я соскучился...

Захарий. Служил, Саша, – царю служил...

Александр. И что получилось?

Захарий. Да ни черта!.. А ты кому служил – Музам? Ну как они?

Александр. Они, Захарий, старушки!

Дельвиг. А еще, господа, говорят, что это...

Пушин. Подожди, Антон!

Дельвиг. Мне некогда... Говорят, звезда на землю летит – и нам всем гроб!

Кюхельбекер. Если не встрянет человеческий разум, нас поглотят роковые силы, – так полагали и Жан-Жак Руссо, и сам Бернарден де-сен-Пьер!

Василий Львович. Бернарден де-сен-Пьер? Ого! Seriously!..

Пушин. Прекрасно! Звезда – молодец: сколь негодяев погубит!

Кюхельбекер. Однако ж и тебя, Жан, и меня!

Пушин. Да, тебя мне жаль, это напрасно...

Александр. А самого себя, Жан, а самого себя?

Пушин. самого себя не жаль, Саша... Придется, пожалуй, жить с честью, и тогда все равно погибнешь. Ты знаешь!

Александр. А так не надо! Пусть гибнут одни негодные... Не грусти, Жан!

Василий Львович. Я поспешаю, я поспешаю!

Чаадаев. Куда, куда, Василий Львович?

Василий Львович. На месте, на месте... Я сочинил поэму о деяниях Петра... Я хочу вас ознакомить, господа, с новым своим сочинением, ведь здесь присутствуют поэты, мои земляки с Парнаса...

Кюхельбекер. И я прочитаю! И у меня есть поэма в кармане – и также о Петре.

Александр. Друзья, нам гроб!

Василий Львович. Ты что?

Александр. Нам гроб, – звезда падучая, лети на нас скорее!

Смех. Дельвиг открывает крышку фортепьяно, бренчит на клавишах.

Василий Львович (несколько обиженный). Вы монстры и курьезы!

Чаадаев (к Василию Львовичу). Извините их... Юность свободна, с ней трудно нам, старикам.

Василий Львович. Сыграйте марш «На взятие Парижа».

Чаадаев. Не стоит... А вот – песню пастушка. (Играет старинную песнь пастушка, простую тихую мелодию).

Александр. Захарий! Ты воин: когда же ты завоюешь нам вольность?

Захарий. Да когда хочешь, Саша, – хоть сейчас!

Александр. Ты шутишь со мной?

Захарий. Я люблю тебя, Саша...

Александр. Правду говоришь?

Захарий. Правду!

Александр. А почему вольности все нету и нету?

Захарий. За дело никто не брался. Надо было взяться как следует, взяться круто, по-солдатски, – и дело выйдет!

Александр. И один ты можешь взяться за дело?

Захарий. Могу! А другие после явятся.

Александр. Возьмись, Захарий!

Захарий. А зачем, Сашенька, зачем? Царем придется стать, а я не хочу!

Александр. Почему? Побудь царем, Захарий!

Захарий. Лишнее, лишнее, Саша! Я не хочу быть царем, я с вами хочу быть – запросто, весело, счастливо... Здесь и есть отрада жизни, а другой нету. Она в дружбе, Сашенька! А станешь царем – друзей не будет!

Александр обнимает Захария.

Захарий. А вольность я тебе добуду. Только ты не суйся – боже избавь! Для этого дела нужен наш браг!

Александр. А я и без тебя могу ее добыть!

Захарий. Ишь ты! Ах, милый мой... Я знаю, ты все можешь!

Чаадаев с песни пастушка перешел на застольную песню, играет ее. Все собираются вокруг стола, берутся за руки в счастливом дружелюбии.

Дельвиг (поет; все движутся вокруг стола).

Друзья, досужный час настал;

Все тихо, все в покое;

Скорее скатерть и бокал!

Сюда, вино златое!..

Под стол холодных мудрецов,

Мы полем овладеем;

Под стол ученых дураков!

Без них мы пить умеем...

Все подпевают Дельвигу.

Дельвиг (протягивая руки к Александру).

Приблизься, милый наш певец,

Любимый Аполлоном!

Воспой властителя сердец

Гитары тихим звоном...

Запойте хором, господа,

Нет нужды, что нескладно;

Охрипли? – это не беда:

Для пьяных все ведь ладно...

Все тесно окружают Александра. Александр берет Кюхельбекера за руки.

Александр.

Писатель, за свои грехи!

Ты с виду всех трезвее;

Вильгельм, прочти свои стихи,

Чтоб мне заснуть скорее.

Кюхельбекер и все другие друзья охватывают Пушкина и разом обнимают его. В это время – несколько ранее – мимо окна, снаружи, проходит Фома; он даже приостанавливается у окна и глядит, что делается внутри комнаты. Фому никто из комнаты не видит, кроме Пушина, который мгновенно глядит на него в окно. Раздается грубый стук в дверь. Все замирают.

Пушин. Фома идет!

Александр первым вырывается из рук друзей, бросается под стол и прячется там, занавешенный скатертью. Все его друзья, даже Василий Львович, поступают вслед Александру таким же образом, попрятавшись где кто сумел. Остается один Чаадаев за фортепьяно.

Чаадаев. Прошу вас!

Входит Фома.

Фома. Здравия желаю! Дозвольте сказать...

Чаадаев. Говори, друг!

Фома. Егор Антоныч велели сказать: экзамен завтра, господа!

Голос Кюхельбекера. Что?

Фома. А слухай: экзамен завтра, господа!

Чаадаев. Хорошо. Ступай!

Фома топчется на месте и кряхтит. Чаадаев встает, наливает ему стакан вина и подносит. Фома выпивает, крякает, берет крошку с края стола, бросает ее в рот.

Фома. Покорно благодарю!

Фома опять топчется и кряхтит.

Чаадаев. Ступай, ступай! Нету вина! (Фома вздыхает и уходит).

Первым вылезает Дельвиг. Он протягивает руку под стол и тащит оттуда Александра.

Дельвиг. От смертных восхитит бессмертного Аполлон на Олимп торжествующий!

Все спрятавшиеся выбираются наружу.

Александр. Я думал... я забыл, что думал.

Все смеются.

Робкое, осторожное постукивание в дверь. Все настораживаются. Чаадаев отворяет дверь. За дверью стоит Екатерина Андреевна Карамзина, прелестная зрелая красавица. Александр глядит на нее, замерши на месте.

Екатерина Карамзина. Простите, я, кажется, ошиблась...

Чаадаев (слегка теряясь). Прошу вас, прошу вас, сударыня... Чем могу служить?

Екатерина(входя). Я вам помешала...

Чаадаев(смущенно). О нет, сударыня мы вам помешали! А вы отнюдь! Прошу вас...

Екатерина (с интересом наблюдая вытянувшихся перед нею офицеров – Чаадаева и Петрова, замерших, пораженных лицеистов и лишь одного равнодушного – Василия Львовича). Я хотела спросить... меня направили сюда...

Василий Львович. Здравствуйте, матушка моя, Катерина Андреевна!

Екатерина. Ах, это вы здесь! Как я рада, как я рада, Василий Львович, – здравствуйте, здравствуйте, наш милый поэт!

Василий Львович. Готов служить вам, Катерина Андреевна! Готов служить, а чем, не знаю!

Екатерина. А мне нужно найти комендантского адъютанта, – если не запаматовала, штабс-капитана Петрова. Нам отвели на жительство китайские домики, я бы хотела их осмотреть...

Василий Львович (на Захария Петрова). Да вот он, балбес!

Петров. Штабс-капитан Петров к вашим услугам, сударыня!

Екатерина. Помогите мне... (Делает общий поклон, Петров берет ее об руку, Василий Львович берет ее под другую руку, все трое уходят).

Краткая пауза.

Кюхельбекер. Что же это такое?

Пушин. А мы с тобой уже видели ее!

Кюхельбекер. Видели! Значит, я тогда не успел наглядеться на нее.

Пушин. А теперь нагляделся?

Кюхельбекер. Нет еще. Завтра пойду, где китайские домики, и погляжу снова. Это вдохновение!

Дельвиг. Саша, это она. Теперь ты знаешь ее имя.

Пушкин молчит.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Зала в Лицее, где идет публичный экзамен. Экзаменационный длинный стол под бархатом; за столом сидят директор Лицея Е. А. Энгельгардт, преподаватели Лицея, приглашенные лица – генерал, высшие чиновники, в центре ветхий Г. Р. Державин. В публике сидят сановники, родители и родственники лицеистов, гости. Среди публики мы видим и знакомые лица: сестру Александра – Ольгу Сергеевну, Василия Львовича, Екатерину Андреевну Карамзину, Петрова, Чаадаева, датского посла, даму с усами.

В стороне расположена широкая лестница, ведущая на второй этаж. На лестнице тесно стоят барские люди и сосредоточенно следят за экзаменом; среди них находится Арина Родионовна, рядом с нею Маша и Даша, здесь же и музыкант, игравший на скрипке в людской Ольги Сергеевны; Фома также здесь, но он на более привилегированном месте – в самом низу лестницы и сторожит порядок. Все эти люди соответственно случаю принарядились во что могли.

Идет экзамен. У стола стоит Кюхельбекер. Он только что промолвил последний свой стих:

Ревет и плещет и шумит могучий океан, –

Всего лишь сила он, а нам судьбою гений дан!

Энгельгардт (к Державину). Гаврила Романович, ваше суждение в сем предмете непрекаемо.

Державин глядит дремлющими глазами, молчит.

Энгельгардт. Размер стихов соблюден правильный, и каждый стих отягощен мыслию... Однако же судить о всех таинствах поэзии я, Гаврила Романович, не смею... (К другим членам экзаменационной комиссии). Имеете суждение, господа?

1-й преподаватель. В присутствии их превосходительства Гаврилы Романовича Державина наше суждение недостаточно, Егор Антонович.

2-й преподаватель. Есть погрешности противу точности рифм, но сии погрешности терпимы.

Энгельгардт (к генералу). Ваше превосходительство, вы имеете мнение?

Генерал. Гм... Имею! В сочинении этого... его. (К Кюхельбекеру). Как вас зовут?

Кюхельбекер. Кюхельбекер Вильгельм Карлович!

Генерал. Отчества не надо – вам рано носить отчество! В сочинении Кюхельбекера Вильгельма я не чувствую – как бы сказать... я не чувствую чувства! Вот именно: не чувствую чувства!

Кюхельбекер. Вы не поняли моего сочинения!

Генерал. Как-с? Что вы изволили сказать?

Кюхельбекер. Я сказал – вы не поняли поэзии.

Генерал. Гм... Дерзновенно!

Энгельгардт. Кюхельбекер, суждение принадлежит нам, а не вам... (К Державину). Гаврила Романович, мы осмелимся вас просить...

Державин. Еще! Еще!

Энгельгардт (к Кюхельбекеру). Еще прочтите!

Кюхельбекер. Что прочитать?

Энгельгардт. Читайте, что считаете достойным.

Кюхельбекер. Я не буду более читать. Для понимающих я прочитал достаточно.

Энгельгардт. Что такое? Вы где находитесь, Кюхельбекер?

Державин. Не затрудняйте его, не обижайте поэта.

Энгельгардт. Гаврила Романович? Мы вас утомили?

Державин. Нету, нету... Я слышу, я все слышу! Ах, юность, юность, – нельзя на нее наглядеться!

Энгельгардт. Нельзя, Гаврила Романович, нельзя, это истинно. Я сам постоянно наслаждаюсь наблюдением ее... (К другим). Не будет ли высказано ваше мнение, господа?

2-й преподаватель. В стихах господина Кюхельбекера я не чувствую достаточного одушевления.

Генерал. Согласен, согласен... И какова в них прямая польза отечеству?

Державин(оживляясь). Ах, господа! Не разлучайте юность с поэзией, пусть они вместе будут, вот вам и польза!

1-й преподаватель (к Державину). Они и неразлучны, ваше превосходительство, они неразлучны! В стихах Кюхельбекера Вильгельма есть достойная прелесть!

Генерал. Нету ее! Гм... Нету, говорю я, ни пользы, ни прелести. Ничего-с!

Кюхельбекер. Есть в них и польза, и прелесть!

Генерал. Нету, любезный!

Кюхельбекер. Есть!

Генерал. Нету, я говорю! (Забываясь). Не смей! Гм!..

Державин. А что есть польза, генерал?

Генерал. Польза, ваше превосходительство, это есть существенность!

Державин. Существенность... Из существенности можно точать сапоги, из поэзии сапогов не шьют, — следственно, польза поэзии сверхсущественна и потому весьма обильна...

Генерал. В сочинении сего Кюхельбекера я не чувствую благодарности создателю со стороны низшей твари!

Державин(генералу). Вы кто, а? Вы кто, я спрашиваю! Не слышу, ничего не слышу!..

Генерал (слегка привстав). Генерал от кавалерии службы его величества Геннадий Петрович Савостьянов.

Державин. Вот вы кто, вот вы кто! Так-так-так! Не знаю вас, не помню, не помню... А я поэт — вы слышите?

Генерал. Так точно!

Державин (на Кюхельбекера). И он поэт, и он поэт! Мы оба с ним поэты – вот мы кто! А вас не помню, – забыл, совсем забыл! И упомнить нельзя, нельзя упомнить: много генералов... Михаилу Илларионовича помню! Но Михаила Илларионович не слушал стихов, а слушая, молчал-с: говорил, не понимаю, ничего не понимаю. И молчал-с!

Генерал. Гм... Так точно!

Державин. Что? А Бонапарта победил, – истребил и победил! А стихи были после, только Михаила Илларионович не читал их, однако, – я его спрашивал, – и моих стихов не читал! Добрейший человек был, воин божьего милостью! И все понимал, все разумел, да не сказывал, и стихи понимал...

Кюхельбекер. Это правда, Гаврила Романович!

Энгельгардт. Гаврила Романович, у вас будут еще вопросы к Кюхельбекеру Вильгельму?

Державин. Нету, нету, какие вопросы? У меня и не было вопросов! Не надо, ничего такого не надо, не утомляйте детей!

Энгельгардт. Кюхельбекер, вы свободны.

Кюхельбекер выходит из зала через боковую дверь.

Энгельгардт (листая классный журнал). Что же... теперь что же... Теперь далее мы пригласим Дельвига Антона... Дельвиг, пожалуйста сюда! Пригласите Дельвига!

Фома или другой служитель Лицея приглашает через боковую дверь, в которую только что ушел Кюхельбекер, Дельвига.

2-й преподаватель. Разве ныне не будем придерживаться порядка алфавита, Егор Антоныч!

Энгельгардт. Нет! (Тихо). Гаврила Романович может утомиться, поэтому спервоначала будем вызывать наших поэтов.

Перед столом является Дельвиг.

Энгельгардт. Дельвиг Антон... Вот Дельвиг Антон, господа, – прошу задать ему ваши вопросы в предмете российской словесности.

Генерал. Дельвиг, Антон! Ага! Отлично: пусть он будет.

1-й преподаватель. Может быть, из прозы Карамзина что-либо... Дельвиг, вы знаете прозу Карамзина?

Дельвиг. Знаю всю!

Державин. Ах, проза! Не надо прозы! Пусть стихи – короче, явственней...

1-й преподаватель. Вот именно: стихи, короче и явственней.

Энгельгардт. Было бы приятно, если бы Дельвиг прочел нам свои собственные стихотворные сочинения.

Державин(оживленно). Читайте, читайте нам, друг мой, свои стихи... И я тоже, и я читал свои стихи когда-то...

1-й преподаватель. Давно, ваше превосходительство?

Державин. Давно, любезный, давно... В минувшем столетии. Как это было – ...река времен в своем течении...

Генерал. ...уносит все дела людей и топит в пропасти забвенья народы, царства и царей...

Дельвиг(нечаянно). И царей!

Державин. Это вы, генерал? Похвально, похвально! (К Дельвигу). Читайте, друг, свои стихи.

Дельвиг. Свои стихи я читать не могу, я не буду их читать!

Державин. Отчего же, дружок, отчего, любезный, – утешьте нас!

Дельвиг. Я не могу... Я плохой поэт!

Державин. Как вы сказали? Я ослышался!

Дельвиг. Я плохой поэт...

Державин. Какое правдивое сердце! Такое сердце равно таланту... Ан нет, возвышенной, пожалуй! Как вы полагаете, дорогой генерал?

Генерал. Возвышенной, возвышенной!.. Талант, что – талант? У меня в гарнизоне был солдат: полпуда хлеба и полведра щей с говядиной в сутки съедал! Талант был, ваше превосходительство!..

1-й преподаватель(Дельвигу). Читайте, что знаете твердо.

Дельвиг. Я все знаю твердо! (Произносит стихи).

Восстал всевышний бог, да судит

Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?..
Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.
И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Державин (слушавший с большим вниманием, под конец чтения от волнения вытер платком глаза). Прекрасно, вдохновенно!.. Что это? Чьи стихи? (К Дельвигу). Поздравляю вас, друг мой, поздравляю!

Краткое затруднительное молчание.

Дельвиг. Это не мои стихи! Это ваши стихи!

Державин. Как? Что он сказал?

Энгельгардт. Это ваши стихи, Гаврила Романович, ваше произведение!

Державин. Мои стихи?

Энгельгардт. Ваши, ваши, Гаврила Романович. Вы их сочинили.

Державин. В давности, в давности, должно быть. Забыл уже, забыл свои стихи... Старость, господа, старость пришла ко мне. А сердце, однако, горит, как в юности горит! Ах, боже мой, боже мой! (Впадает в сонную задумчивость).

Генерал. Превосходные стихи!

1-й преподаватель. Дивная поэзия!

2-й преподаватель. Божественный глагол, воистину божественный.

Энгельгардт(тихо). Есть, господа, вопросы?

Генерал. К чему вопросы?

Энгельгардт. Идите, Дельвиг. (Дельвиг уходит). Пригласите Пушкина Александра!

Является Александр. Арина Родионовна издали крестит его маленьким движением руки. Чаадаев, Петров, Ольга Сергеевна, Василий Львович следят за Александром с тревожным напряжением.

Александр у стола.

Энгельгардт. Господа... Пушкин Александр Сергеевич!

Генерал. Они у вас с отчеством! Не рано ли?

Энгельгардт. Иные, ваше превосходительство, рождаются с отчеством, а иные умирают с прозвищем.

Генерал. Бывает, бывает...

Энгельгардт(Державину). Пушкин, Гаврила Романович.

Державин(очнувшись). Ах, Пушкин! Здравствуй, друг мой, здравствуй, Пушкин!

Пушкин молча кланяется Державину глубоким поклоном. Затем окидывает взглядом весь зал.

Энгельгардт. Читайте, Пушкин!

Александр. Что я должен читать?

Энгельгардт. Свои стихи читайте.

Державин. Свои, свои... Моих не надо, более не надо... Новые стихи читайте!

Александр. Новые? У меня есть новые...

Державин. Вот их, вот их читайте... Какие же новые, Пушкин?

Александр. Я начал писать стихи о вольности, я написал оду.

Генерал. Я люблю оды!

Александр. А есть у меня другие стихи...

Державин. Вот-вот, читайте их, читайте их, друг мой!

В это время в зале среди публики происходит движение: с побледневшим, изменившимся лицом встает с места Чаадаев, за ним встает Захарий Петров; Ольга Сергеевна и Василий Львович в тревоге шепчутся друг с другом.

Чаадаев (с места). Оды нету, она не окончена! Просим читать «Воспоминания».

Александр(смущенно). Ода не окончена...

Энгельгардт (в зал). Господа, мы сами рассудим, мы сами справимся со своими обязанностями.

Петров (с места). Не справитесь! С ним вы не справитесь!

Александр. «Воспоминания в Царском Селе».

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи.
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

По мере чтения вдохновение Пушкина увеличивается, глаза его блистают; вслед за ним, как связанная с ним душа, Державин все более возбуждается, лицо его преображается и приобретает черты юности, привстав с места, он всматривается в Пушкина и проникновенно слушает его. Чаадаев и Петров слушают Пушкина стоя. Кроме них, встали с мест и слушают стоя еще три офицера.

...Плывет – и бледными лучами
Предметы осветила вкруг.
Аллеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм и луг;
Здесь, вижу, с тополем сплелась молодая ива
И отразилась в кристалле зыбких вод;
Царицей средь полей лилея горделиво
В роскошной красоте цветет.
С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плещаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы русской храм?
Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?
Увы! промчались те времена златые,

Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!
Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет...

Александр останавливается, он обводит взором зал, не видя никого.

Державин (в восторге). Еще, еще! Далее...
Фома. Это у нас такие учатся, – больше нигде. Орлы!
Александр.

Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.
О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страхась дивился мир;

Здесь, по признанию А. С. Пушкина, голос его «отрочески зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом».
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.
Державин выпрямляется и протягивает руки к Пушкину.

И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые, и ужасы военны;
Страдать – есть смертного удел...

В зале движение публики; большинство присутствующих встает, ими овладело общее чувство, и люди хотят лучше видеть Пушкина.

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены...
О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! И вы в могилы пали. –
О страх! о грозны времена!..
В Париже росс! Где факел мщенья?

Поникни, Галлия, главой!..

Александр делает движение к Державину.

О скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй!
В кругу друзей твоих, с душой воспламененной,
Взгреми на арфе золотой!
Да снова стройный глас герою в честь прольется,
И струны трепетны посыплют огонь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

Державин последние части стихотворения слушает стоя, и слезы текут по его старому, одухотворенному восторгом лицу. При последних словах Державин с живостью молодой силы бросается к Пушкину, но Александр, сам потрясенный, убегает из зала. При этом он бежит не в ту дверь, через которую вошел, а мчится по лестнице мимо дворовых людей, где стоит и его няня. Он замечает Арину Родионовну и обнимает ее; затем он видит Машу и Дашу – и целует их. Простые, восхищенные люди почтительно расступаются перед ним. Музыкант из дома Ольги Сергеевны быстро и низко кланяется Пушкину, отчего с головы его сваливается парик. Александр мгновенно поднимает парик, нахлобучивает его обратно на голову музыканта и исчезает. Одновременно за экзаменационным столом происходит следующее: Державин, не успевши приблизиться к Пушкину, чтобы обнять его, возвращается на свое место.

Державин. Где же он? Где он есть? Ах, резвый, резвый мой! (Утирает лицо большим платком).

Генерал. Да он там вот, ваше превосходительство! (Указывает в сторону, где сейчас находится Александр, среди дворовых людей). Он там! Эк, бойкий какой!

Державин (всматриваясь туда). Я не вижу! Сыщите, сыщите мне его!

Фома. Да разве сыщешь его! Поди сыщи!

Энгельгардт (сияющий от радости за своего питомца). Мы найдем его, Гаврила Романович!

Державин. Обязательно сыщите... Я поцелую его!

Энгельгардт. Я сейчас же прикажу сыскать его!

Державин. Нельзя, нельзя – не беспокойте его: он дитя. Я еще приеду к вам.

Энгельгардт. Просим вас, просим вас, Гаврила Романович!

Державин. Приеду, приеду... Я без него теперь не могу, не могу...

Генерал. Это все стихи! Стихов в Лицее, я слышу, много, их каждый сочиняет. Однако отечеству нашему нужна также и проза, поскольку проза для разума более питательна! Из того, я полагаю, не следует ли образовать сего Пушкина в прозу, тогда бы и пользы ожидать от него можно много больше.

Державин(резко). Оставьте его! Пусть будет поэтом!

Энгельгардт. Не прикажете ли, Гаврила Романович, сделать полуденный отдых? У нас приготовлен и завтрак. Осчастливьте нас, Гаврила Романович.

Державин. Благодарствую, благодарствую... Ничего не надо. Скучно стало без Пушкина. Я пойду. (Подымается, берет свою палку, медленно, старчески осторожно идет. Все встают – и публика в зале, и члены экзаменационной комиссии).

Пятое действие

1-я картина

Гостиная в доме Ольги Сергеевны в Петербурге, скромно убранная комната; стоит небольшой застекленный книжный шкаф.

Весна 1820 года, май месяц.

По комнате ходит Ольга Сергеевна; она печальна и от печали невнимательна и небрежна: если столкнет нечаянно книгу или другой предмет со столика, то не поднимает его, не замечая происшедшего. На диване сидит Василий Львович, внимательно рассматривающий большую книгу.

Василий Львович (смотря в книгу). Эх его как! Эх его как! Хе-хе-хе, премудро, премудро! (К Ольге Сергеевне). Это я не к тебе, это я сюда! (В книгу). Забавно, забавно!

Ольга Сергеевна. Дядя, отчего вы бесчувственны! Ведь Сашу, нашего Сашу, Александра Пушкина, усылают безвестно куда, а он ведь еще мальчик, он еще не вырос, он маленький...

Василий Львович. Маленький-то он маленький... А черт, говорят, тоже маленького роста.

Ольга Сергеевна. Дядя, поезжайте вы домой!

Василий Львович. Прости, прости, – это я сказал неуместно, неуместно... (В книгу). Эх его! Так-так-так!.. (Захлопывает книгу). Как глупо и как прелестно!..

Ольга Сергеевна. Дядя, вас ждут дома!

Василий Львович. А пусть, а пусть, – пусть ждут... Говорил я ему – не послушался!

Ольга Сергеевна. Все ему говорили – не вы один!

Василий Львович. Я как дядя ему говорил и как старший поэт! Остерегись, я говорил, Саша, остерегись, друг мой... А он не чувствует! И вот – в ссыльные арестанты попал... Он молод, он мал еще, чертенок, а уж Россия без него не может остаться...

Ольга Сергеевна. Это мы так думаем, а они думают вовсе не так.

Василий Львович. Кто думает не так?

Ольга Сергеевна. А те, кто возле государя.

Василий Львович. А кто возле государя? К государю сам Николай Михайлович Карамзин пошел, государь не оставит его просьбы о Пушкине.

Ольга Сергеевна. Не знаю... Не знаю, что говорил Карамзин с государем. Карамзин бережет свою семью, свое значение для государства... Если бы жена его, если бы Катерина Андреевна попросила милости у государя...

Василий Львович. Прекрасная, волшебная женщина, – и с чудным разумом!

Ольга Сергеевна. Саша ее любит больше меня. Он называет ее своею старшей сестрой. Я заметила, у него слезы бывают на глазах, когда он глядит на нее.

Василий Львович. Она достойна поклонения...

Ольга Сергеевна. И у нее отважный характер... Если бы она обратилась к государю, она бы думала только о Саше и спасла его. Но это невозможно, поздно уже, и нельзя женщине в ее положении...

Василий Львович. А государь, слышно, сильно рассердился на Сашку.

Ольга Сергеевна. А она бы могла... Она любит Сашу как сына и скрывает свою нежность к нему.

В комнату быстро отворяется дверь, из-за двери показывается лицо Даши, она окидывает взором присутствующих и сейчас же скрывается.

Ольга Сергеевна. Боже мой, хоть бы Катерина Андреевна скорее приехала. Она еще вчера обещала заехать и рассказать, что ответил государь ее мужу. Ведь это она упростила мужа идти к государю и молить за нашего бедного Сашу.

Василий Львович. Она ангел!

Ольга Сергеевна. Она старшая сестра, она лучше меня... И правда, она старшая, она делает Саше больше добра, чем я... Может быть, она спасет Сашу!

Василий Львович. Спасет! Она спасет! И Сашка это чувствует; он весел и спокоен. А мы плачем о нем! Эх, пороть бы, пороть бы его непрестанно надо было, да уж опоздали теперь, уводят его от нас в арестанты... Срам, срам, – всему роду Пушкиных срам от него!

Ольга Сергеевна. Не всему роду! Я тоже Пушкина – и срама от брата не чувствую!

Василий Львович. А что ты чувствуешь, – честь?

Ольга Сергеевна. Уходите вон, дядя!

Василий Львович. Нет, ты рассуди сама – кого он только не обидел, этот наш обезьяний царь! Аракчеева оскорбил, преосвященного Фотия то же самое, князя Голицына сюда же давай и даже любезнейшего Николая Михайловича Карамзина воздел на перо... А меня, а меня! И меня тоже хлопнул эпитаграммой, невежа этакий! И еще скольких! А теперь что? Из чего мы теперь все мучаемся? Зачем объявил он эту проклятую оду «Вольность»? И тут же, вдобавок, стихи к этому Чаадаеву и еще всякое прочее!..

Ольга Сергеевна. Перестаньте, дядя! Вас он обидел! Он государя не побоялся обидеть...

Василий Львович. Да, да – я и забыл, я и забыл... Не послушался он меня! Я говорил ему: уведет тебя твоя «Вольность» к неволе, – и увела!

Ольга Сергеевна. Ах, что говорить теперь напрасно!

Василий Львович. А пусть его помучается, умнее станет!

Ольга Сергеевна. А отчего же вы, дяденька Василий Львович, не помучили себя в молодости? Вы жили всегда себе в удовольствие!

Василий Львович. А зачем? Зачем мне мучиться надо было, сударыня моя? Чтобы поумнеть? Так я глупцом никогда не был!

Ольга Сергеевна. Василий Львович! Я хочу остаться одна!

Василий Львович. Да, пожалуйста, пожалуйста... Мы, Пушкины, все своенравны! До свидания, голубушка... Я пройду, я дойду до кондитерской и вскорости же наведаюсь к тебе обратно.

Василий Львович уходит. Ольга Сергеевна одна. Она прижимает платок глазам и беззвучно плачет. Из-за окна доносятся слова и звуки уличной жизни Петербурга того времени: кричат продавцы сбитня и бубликов, мягко стучат копыта извозчичьих лошадей по древесной торцовой мостовой, проходящая солдатская рота поет походную песню суворовских времен.

В наступившей затем краткой тишине слышится голос Арины Родионовны – из людской или со двора: «Даша, глянь-ко в горницы: не явились еще Александр-то Сергеевич?» Голос Даши в ответ: «Нетути, нетути, я уж глядела». Арина Родионовна: «А ты еще погляди!» Даша: «Не надобно! У ворот Филька-дворник стоит, он мне свистнет, когда Александр Сергеич-то явится, а я тебе скажу, матушка Арина Родионовна!» Арина Родионовна: «Ну, ин, так, что ли!»

Ольга Сергеевна невольно прислушивается к этим голосам. Слышатся тихие медленные шаги. Стук в дверь. Является Екатерина Андреевна Карамзина. Ольга Сергеевна идет к ней навстречу и обнимает ее. Обе женщины стоят одно мгновение, прижавшись друг к другу.

Ольга Сергеевна. Что сказал государь? Что будет с Сашенькой?

Екатерина Андреевна. Все будет хорошо... Успокойтесь, успокойтесь, милая, бедная моя... (Но сама она не в силах сдержать слез и, стыдясь их, продолжает быстро говорить). Успокойтесь, успокойтесь, не надо, не надо...

Ольга Сергеевна вновь обнимает ее.

Ольга Сергеевна. Говорите мне скорее, говорите все!

Екатерина Андреевна. Его ушлют на юг, где живут колонисты...

Ольга Сергеевна. Где колонисты? А где они живут?

Екатерина Андреевна. Не знаю, милая...

Ольга Сергеевна. И я не знаю...

Екатерина Андреевна. Я спрошу у мужа.

Ольга Сергеевна. Навсегда его, навечно ушлют?

Екатерина Андреевна. Нет, нет, не навсегда... Там генерал Инзов живет, говорят, он добрый человек. Он будет там недолго, он вернется сюда.

Ольга Сергеевна. Откуда вы знаете? Это государь так сказал?

Екатерина Андреевна. Нет... Я сама так думаю...

Ольга Сергеевна. А где юг, где эти колонисты? Боже мой, как грустно, как это ненужно...

Ольга Сергеевна открывает книжный шкаф, вынимает оттуда альбом с картами и картинками. Склонившись вместе над альбомом, Ольга Сергеевна и Екатерина Андреевна листают альбом, рассматривают картинки.

Ольга Сергеевна. Вот Таврида – это Крым...

Екатерина Андреевна. Это Крым! Он будет там жить.

Ольга Сергеевна. Там тоже колонисты?

Екатерина Андреевна. Там тоже... Видите, как там красиво и пустынно...

Ольга Сергеевна. Там грустно...

Екатерина Андреевна. И здесь грустно!

Движимые одним чувством, они обнимают друг друга в общей печали. Снаружи раздается свист Филькидворника.

Ольга Сергеевна. А когда ему ехать нужно?

Екатерина Андреевна. Немедля, милая, – государь приказал, чтоб ехать ему немедленно...

Ольга Сергеевна (в испуге). Так, может, он уехал уже?

Екатерина Андреевна. Не простившись? Нет, он добр и чувствителен...

Ольга Сергеевна. Я пойду искать его!

Отворяется дверь, входит Александр, одетый в дорожную одежду. Александр, против прежнего, возмужавший юноша.

Александр(весело). Еду!

Две женщины в изумлении глядят на него.

Александр. Здравствуйте! Сестрица моя! (Целуется с Ольгой Сергеевной).
Здравствуйте, Катерина Андреевна.

Ольга Сергеевна. Куда, куда ты едешь, Сашенька? (Плачет).

Александр. Сам не знаю: далеко, далеко...

Ольга Сергеевна. И жил ты как сирота, и в арестанты едешь один...

Александр. Я не сирота. У меня сестры есть! (Глядит на Екатерину Андреевну сияющим взглядом. Екатерина Андреевна берет руку Александра в свои руки и гладит ее).

Екатерина Андреевна. А у нас брат есть... младший и самый любимый...

Александр. Мне пора!

Ольга Сергеевна. Куда ты спешишь? Подожди еще, побудь с нами...

Александр. Пора! До вечера я далеко-далеко уеду отсюда, и не знаю, где буду ночевать...

Ольга Сергеевна. А куда ты едешь, где тебе назначено жить?

Александр. Далеко, сестрица... Я тебе напишу. Я увижу всю Русь, я увижу теплый край, полуденную землю!..

Ольга Сергеевна. Успел бы еще увидеть их! Что тебе Русь?

Александр. Добрее Руси, говорят, земли нету, и всякой сироте она матушка.

Ольга Сергеевна. А ты будешь ехать по ней как невольник!

Александр(смеясь). Это мне полезней. Я лучше разгляжу ее, я побираться буду в деревнях: подайте, православные, узнику на пропитание...

Екатерина Андреевна. Это печально и страшно!

Ольга Сергеевна. Никуда не уходи! Я соберу тебе вещей в отъезд и на стол подать прикажу...

Александр. Не надо мне вещей!

Ольга Сергеевна. Так я же знаю, у тебя нету ничего...

Александр. Нету!.. А понадобится, мне люди подадут!

Ольга Сергеевна. Да что тебе – нищенствовать охота!

Александр. Охота! Нищий видит много добрых людей...

Ольга Сергеевна. Дитя ты еще! (Она уходит).

Краткое молчание.

Александр(смущенно). Я заезжал к вам. Я хотел поблагодарить вас...

Екатерина Андреевна. За что?

Александр. Вы хлопотали за меня, вы беспокоились... Не надо было, я не боюсь: и в арестантах люди живут.

Екатерина Андреевна. Я ничего не сделала, нам не удалось. Я хотела, чтоб дело было предано забвению и вы стали опять свободны. Но государь вас не простил.

Александр. Я бы на его месте тоже не простил.

Екатерина Андреевна. Кого бы не простили?

Александр. Пушкина не простил бы.

Екатерина Андреевна. А как бы вы поступили?

Александр(смеясь). Я бы его повесил, этого Пушкина! Ишь, какой!

Екатерина Андреевна. А я бы простила: Пушкин еще очень молод и уже несчастлив!

Александр. Молод? А усы с бородой отрастают, – вот они, – для каторги он созрел.

Екатерина Андреевна. Саша, Саша, младший мой брат... В народе говорят: для тюрьмы и смерти всякий годится.

Александр(задумчиво). Народ наш часто от горя говорит, а не от правды.

Екатерина Андреевна. Я хочу, чтобы вам не было грустно.

Александр. Глядите – мне теперь не грустно! (Напряженно улыбается; Екатерина Андреевна берет руки Александра, приближает его к себе; Александр в ответ припадает к ее руке, и она гладит его курчавые волосы).

Екатерина Андреевна. Мы будем помнить о вас. А вы не забудьте, не забудьте, кого вы здесь оставили, и берегите себя в чужих людях... Пожалейте тех, кто любит вас.

Александр. А вы могли бы быть мне матерью?

Екатерина Андреевна (чуть смутившись). Могла бы...

Александр. Как жаль!

Екатерина Андреевна. Не жалейте... Я буду вам, как самая старшая сестра.

Александр. И лучше, вы лучше сестры! Почему, когда я вместе с вами, мне более никого не нужно?

Екатерина Андреевна. Не знаю...

Александр. И я не знаю... Я боюсь, что отъеду одну версту, заплачу и вернусь назад.

Екатерина Андреевна. Боже избавь, Саша! Не возвращайтесь, вас тогда сильно накажут. Не надо! Вспомните, что и мы в тот час будем плакать по вас...

Александр. Не плачьте. Я стерплю слезы, я не вернусь...

Екатерина Андреевна. Не возвращайтесь... Привыкайте к терпению, к долгому ожиданию, к простой и трудной жизни.

Александр. А я привык уже!

Екатерина Андреевна. Нет еще, нет, еще не привык...

Александр. Поедьте со мной!

Екатерина Андреевна. Что вы, что вы говорите! У меня дети есть, как им без матери!

Александр. А как мне – без матери, без сестры, без всех?

Екатерина Андреевна. Вы знаете, я хотела вовсе избавить вас от разлуки, от страдания...

Александр. Я знаю! А от страдания избавиться нельзя...

Екатерина Андреевна. Я думала, можно. И вас мне так жалко, вы мне так дороги...

Александр. Поедьте! Возьмите с собою детей и мужа, и поедьте все со мной!

Екатерина Андреевна(улыбаясь). Куда же? С детьми ехать в ссылку!

Александр. И с детьми, и со мной!

Екатерина Андреевна. Нельзя... Этого я не могу.

Александр. А я думал, можно... Я бы уехал с сестрой, если б сестру мою усылали... Я сел бы с ней и в тюрьму.

Екатерина Андреевна. А я не могу. Я здесь дождусь своего меньшего брата... Время минует, и он скоро вернется домой.

Александр. А где мой дом будет, когда я вернусь?

Екатерина Андреевна. Ваш дом? Как – где ваш дом?

Александр. Да, где тогда будет мой дом?

Екатерина Андреевна. Ваш дом везде, где вас любят.

Александр. А где меня любят, в каком сердце?

Екатерина Андреевна. В моем... Так любить, как я вас люблю, вас никто любить не может, – как мать и сестра...

Александр. Вы любите еще и детей своих, и еще кого-нибудь.

Екатерина Андреевна. И детей своих люблю! А вам что – вам от них тесно в моем сердце?

Александр обиженно молчит.

Екатерина Андреевна(улыбаясь). Вы бы хотели там быть один?

Александр. Один...

Екатерина Андреевна. Ах вы...

Александр. А кто я?

Екатерина Андреевна. Вы маленький еще.

Александр. Я уже большой.

Екатерина Андреевна. Вы будете еще большим.

Александр. Когда? Когда, по-вашему?

Екатерина Андреевна. Когда я старая стану, когда я, может быть, уже умру.

Александр (в волнении). Не умирайте! Не умирайте никогда!

Екатерина Андреевна. Почему же? Я состарюсь и умру, как все.

Александр. Вам нельзя! Вы после меня умирайте, когда меня не будет.

Екатерина Андреевна. Нет, нет, вы после меня. Так должно быть!

Александр. Не должно так быть! Без вас пусто будет мое сердце...

Екатерина Андреевна. Вспоминайте меня там, где вы будете один...

Александр. Я не боюсь неволи, но без вас я там умру...

Екатерина Андреевна. Опомнитесь, Саша! Маленький мой брат... Что же нам делать?

Александр. Добрая моя сестра!

Екатерина Андреевна. А хотите...

Александр. Что?

Екатерина Андреевна. Я поеду с вами!

Дверь открывается, оттуда показывается лицо Даши, – увидев Александра, Даша ухмыляется и исчезает обратно.

Екатерина Андреевна. Дети мои выросли, муж не осудит, а я сберегу вас в чужом краю...

Александр (потрясенный, задумывается, лицо его меняется и делается словно старческим). Нельзя, Екатерина Андреевна... Живите дома, в семействе.

Екатерина Андреевна. Вы тоже мое семейство...

Александр. Нельзя, я говорю! Нельзя вам ехать! Зачем вместо одного сердца будут грустить и мучиться еще сердце матери и сердце ее детей... Я сам снесу свою участь, и так каждый должен.

Екатерина Андреевна. Бедный мой брат! Вы дороже мне всех, и дороже моих детей... Боже мой, что я говорю! Вы можете меня возненавидеть, – простите меня!

Александр. Спасибо вам, спасибо вам, сестра моя.

Екатерина Андреевна. Забудьте... Забудьте эти мои слова!

Александр. Никогда их не забуду! Прощайте... Мне пора!

Екатерина Андреевна. Не пора еще...

Александр. Пора!

Входят Ольга Сергеевна и Василий Львович – у последнего в руках упакованный в коробку и в бумагу пирог.

Василий Львович (к Екатерине Андреевне). Здравствуйте, душа моя! Рад вас видеть! Премного благодарны ото всех Пушкиных за ваши хлопоты, за ваши заботы о нашем младшем потомке...

Екатерина Андреевна. Пустое, Василий Львович, – ничего я не сделала, что сделать должна...

Ольга Сергеевна. Саша, покушать надо в дорогу. Пойдемте к столу!

Александр. А я не хочу есть!

Ольга Сергеевна. Не обижай меня!

Александр. Некогда, мне дальняя дорога...

Василий Львович. А вот, Саша, пирожок тебе в дорогу... Лучший сорт, – знаешь французскую кондитерскую Жана... С начинкой из печени разнообразных птиц!

Александр. А я люблю с капустой и с грибами...

Отворяется дверь, в дверях стоит смущенная наивная Маша, теперь она из подростка-отроковицы превратилась в красивую девушку. Она низко кланяется всем.

Маша. Батюшка, Александр Сергеевич! По тебе матушка наша Арина Родионовна скучает, аль ты забыл ее?

Александр. Здравствуй, Машенька! Ишь, красавица какая стала! Зачем она послала тебя? Она обидела меня! Разве я забуду ее, родимую!

Маша. Она не посылала, и ты ей не сказывай... Это я сама пришла – на тебя поглядеть. Уедешь ты – помру, не увижу...

Александр. Спасибо, Маша... Знать, и ты мне сестра! (Берет ее руку в свою).

2-Я КАРТИНА

Людская в доме Ольги Сергеевны, – та же, что и в 1-м действии. Но прошло время, и люди изменились. Арина Родионовна сильно постарела и согнулась, а Даша, как и Маша, из подростка расцвела в красивую девушку.

Стоит теплое время (май месяц). Дверь открыта настежь, наружу. За дверью видны крыльцо и дорога, уходящая в русскую провинциальную даль.

Арина Родионовна сидит одна на лавке и вяжет спицами теплую зимнюю варежку трясущимися руками. Теперь она уже носит очки, а прежде их не было. Слышно, как где-то в глубине двора ямщик готовит лошадей в дорогу и разговаривает по своим делам. Иногда позванивает дорожный колокольчик, уже подвешенный, вероятно, на пристяжную лошадь.

Голос ямщика. Стой смирно! Стой, говорю! Ногу дай! Ногу! А ты куда, ты куда, Абракадабра! Чухайся, чухайся тут! Филипп, Филипп! Филька! – кого я зову! Давай сюда молоток, и гвоздей не бери, что они тебе – казенные? В избу отчего их тащишь? И топор, он втупорже тут был! – а игде теперь? Волоки враз к месту назад! Эх, народ балованный какой на готовых харчах! С такого постоя без колес уедешь, и лошадей раскуют... Чего ты, чего ты Зорьку кусаешь, – душегубка вредная этакая! Право, что Абракадабра! И верно, что Абракадабра! – вот ведь лошадь какая, да матка еще! Эх ты, супротивщица, сухое колесо! В корень бы тебя надо, да глупа ты, дурная губерния!

Арина Родионовна (откладывая готовую варежку и спицы). Управилась... Лето у нас скорое, лето пройдет, а там опять зима... Вот, гляди, и сгодятся ему варежки-то, хоть руки будут в тепле...

Со двора является Даша.

Даша. Тута!.. Он тут! Я сама его видела!

Арина Родионовна. Знаю уж! Слыхала, – мне Филька давеча сказывал.

На пороге появляется ямщик.

Ямщик. Игде вода у вас? Лошадей поить пора!

Даша. Тамо, в речке... А к нам из колодца водовозы возят!

Ямщик. Эх какая! Мое дело конное, я господ по службе вожу! Достань мне воды к экипажу!

Даша. Куда тебе воды?

Ямщик. К экипажу, говорю, где я нахожусь.

Даша. Сычас, сычас, батюшка, доставлю!

Ямщик. Доставь, дочка... Чья сама-то будешь?

Даша. Мы-то? Мы сироты были – ничьи...

Ямщик. Не в утехе, стало быть, росла, а выросла как раз в пользу...

Арина Родионовна(ямщику). Иди, батюшка, иди к своему делу, у нас своя забота есть.

Ямщик. Забота всем полагается... А Филька ваш мошенник!

Арина Родионовна. Знаем уж, давно знаем, – к чужим мошенник, а своим слуга. Ступай, батюшка!

Ямщик. Слуга, говоришь, своим-то? Да то-то!.. А мешка у вас лишнего нету?

Арина Родионовна. Нету, нету... Ступай, тебя лошадь зовет, ишь звонит...

Ямщик. Лошадь умна, она обождет. Лошадь тварь... (Уходит).

Арина Родионовна(Даше). Глянько, варежки какие я Александру Сергеевичу связала. Теплы ли будут и впору ли придутся?

Даша (примеряя варежку на свою руку). Теплы, матушка, да и впору, – а не впору, так потянутся.

Арина Родионовна. А я все сумлеваюсь... Да ты не тяни их и рукою не марай – сними прочь!

Даша. А у меня руки чистые!

Арина Родионовна. С чего они чистые? Аль ты без дела сидишь?

Прибегает Маша.

Маша. Сейчас придут... Они меня своей ручкой тронули и назвали сестрой!

Даша. О! Аль правда?

Арина Родионовна. Добр мой Сашенька-то и милостив... А ты на людях-то молчи – мало ли что!

Маша (в испуге). А я вам только сказала! Бабушка, иль опять я дурочкой стала?

Арина Родионовна. Иль ты и вправду одурела? Его, слышно, сам царь боится, а тебя он сестрой назвал – какая же ты дурочка? Тебе нельзя!

Маша. Мне нельзя, я у Пушкина младшая сестра!

Арина Родионовна. А кто сестра ему – та умница.

Маша. И правда, бабушка!

Арина Родионовна. И-их! У тебя-то и прежде добра в сердце занять можно, кому нужно было. Беда, что разум твой неприметный, да Александр Сергеевич, вишь, заметил его и в родную к себе взял...

Маша. И тебя... Он тебя родимой зовет.

Арина Родионовна. А то как же! Сейчас небось явится... (Причитает по старинному обычаю). Голубчик ты наш – и за что тебя казнят, почему не милуют! Чем ты кого прогневал; а кого прогневал – так пусть смилостивится, окаянный! И в силу-то он еще не вошел, и кость его не окрепла, а что речь его кому негодна, так он с малолетства смысленный! И ты-то, царь-батюшка, чего детей от родителей отымаешь да разлукой казнишь, – аль остатнее время настало?

Маша. Бабушка Арина, бабушка Арина, ты не плачь, бабушка! Александр-то Сергеевич веселый, а вы причитаете, иль он помер?

Арина Родионовна. Ему что! Мал еще, он не понимает, оттого и веселый.

Даша. Александр Сергеевич все чисто понимает! Чего ты, бабушка, говоришь такое!

Арина Родионовна. А знаю, что говорю... Он-то умник, а я – иль глупая! Ступайте по делу, не стойте у меня на глазах!

Даша. Батюшки, воды-то лошадям надобно! (Уходит во двор).

Маша (тихо и таинственно). Бабушка, я пойду гляну.

Арина Родионовна. Кого?

Маша. А опять его!

Арина Родионовна. Я тебе гляну! Стало, дело у него там, – потерпи еще!

Маша. Я потерплю, бабушка, – и ты тоже потерпи.

Арина Родионовна. Потерпи, потерпи, и я потерплю.

Маша. Мы с тобою вместе будем терпеть.

Маша усаживается на лавку рядом с Ариной Родионовной, складывает руки на коленях и так «терпит». Во дворе позванивает время от времени дорожный колокольчик, что привязан, должно быть, к шее пристяжной лошади.

Входит ямщик со двора.

Ямщик. Запрягать-то не пора еще? Время, гляди, за полдень! Ты бы, бабушка, наведалась к господам да спросила – ямщик, мол, Кузьма, там думает.

Арина Родионовна. Чего тебе? Не кличут – сам не называйся. Иди, иди к своему месту!

Ямщик. А ты бы спросила... Я-то не один человек, нас трое – две лошади со мной, управься поди!

Арина Родионовна. Ступай прочь, ступай прочь, – наш-то, я слыхала, может, завтра поедет!

Несколько ранее из двери, что ведет в господские горницы, является Александр, одетый в дорогу. Он улыбается и глядит с порога на свою няню, слушая, что она говорит.

Александр. Нынче, нынче, матушка!

Александр обнимает Арину Родионовну; Маша стоит возле, глядя на Александра сияющими глазами.

Ямщик. Нынче-то способней; завтра, глядишь, дождь, глядишь, ветер...

Александр. Запрягай!

Ямщик. И то, барин! (Уходит).

Арина Родионовна (вглядываясь в Александра, словно в первый раз видя его). Пришел, батюшка... Пришел ко мне!

Александр. Прости меня, матушка... Гневил я тебя и непокорным был...

Арина Родионовна. Бог тебя простит... А что гневал, так я к тебе гнева не знала. Далече ли, батюшка, едешь-то?

Александр. Далече... Далече, матушка.

Арина Родионовна. Знать, и вернешься не скоро?

Александр. Не скоро, матушка...

Арина Родионовна. Увижу ль я тебя, нет ли? Ан, увижу, без тебя не помру. Я жить буду долго, тебя ожидаючи... Машенька!

Маша. А!

Александр. Ах, Машенька! Совсем невестой стала, и прелесть какая!

Арина Родионовна. Не хвали, не хвали ее даром, с похвалы девка портится...

Александр. Машеньку испортить нельзя... Был бы я волен, уехал бы с Машенькой да с вами, матушка, в деревню, стал бы мужиком, двор бы постоянный открыли...

Маша. А Дашу тоже бы взяли?

Александр. И Дашу взяли бы.

Арина Родионовна. Машенька, ты бы на стол собрала... У нас лапша с грибами... Поел бы, батюшка, в дорогу.

Александр. Не буду я кушать... Я хочу с вами разговаривать, а у меня лапша будет во рту, – так нельзя!

Арина Родионовна. Возьми-ка, родной, варезки, я тебе связала, руки не озябнут, и меня вспомнишь...

Александр. Спасибо вам, матушка... Да там тепло, там и зимы нету.

Арина Родионовна. А кто сказывал-то? У нас зима, а там нету! Того не бывает: везде одинаково. Бери-ко да спрячь подальше.

Маша (вдруг в печали). А как же мы-то одни тут останемся?..

Александр. И я один буду, Машенька!

Маша. А нам страшно! Не уезжайте от нас!

Арина Родионовна (на Машу). Да ты уж – чего думаешь!.. Я сама к царю пойду, – ишь, чего вздумал: детей губить!

Александр(смеясь). Куда вы пойдете, к какому царю? Нету царя!

Арина Родионовна. Я пойду, мне надобно к нему! Неужели у нас и царя нет, а один Аракчей остался! Так я и к Аракчею дойду! У меня право есть, я тебя в люди выходила, а они чего! Кто у дитяти хозяйка-то, царь или я?

Маша. Заколдуй их, бабушка, пусть они обомрут!

Арина Родионовна. По нужде и заколдую, коли сами не опомнятся!

Маша. Заколдуй!

Александр. Терпи, матушка, как я терплю... Сам государь велел мне уехать, к кому же ты пойдешь?

Арина Родионовна. Стало, дела у них нету, что тобою занимаются...

Александр. У них балы с праздниками, матушка...

Арина Родионовна. Горе наше, горе наше, бедный мой...

Со двора на пороге появляется конвойный солдат с ружьем, за ним стоит Захарий Петров в старой солдатской шинели, одетый как рядовой и в арестантской шапке. Петров выходит вперед сопровождающего его солдата.

Петров. Могу я видеть господина Пушкина? Доложите господину Пушкину, что я – Петров Захарий!

Маша. Тута, он тута, Пушкин!

Александр (навстречу Петрову). Ты кто? Это ты, Захарий? Здравствуй, Захарий!

Петров. Это я! Здравствуй, Саша!

Александр (обнимая Петрова). Ты что?

Петров. Ничего. Был в каземате, в другой ведут, потом в каторгу.

Конвойный солдат (мешает им). Не велено, не велено...

Александр. Прочь! За что тебя?

Петров. Говорят, царем хотел стать.

Александр. Кто царем?

Петров. Я!

Александр. Ты?

Петров. Я!

Оба весело смеются. Подают друг другу руки. Конвойный разлучает их.

Конвойный солдат. Не велено, не велено...

Александр. Ты – царь?

Петров. Я царь! А ты?

Александр. А я раб... Меня гонят...

Петров. Куда?

Александр. Не знаю! Куда велено...

Конвойный солдат(Петрову). Пошел, пошел... Нельзя, тебе говорят!

Петров. Прощай, Пушкин! Прощай, раб!

Александр. Прощай, царь! Ты и вправду царь, а они – нарочно!

Петров. А что царь? Царь – старший урядник. А ты – Пушкин!

Конвойный солдат. Не велено, не велено... (Толкает Петрова).

Александр. Захарий, Захарий! Не бойся – мы их одолеем...

Петров. Одолеем, Саша! Мне жалко их было, я дрогнул, а теперь они тебя тронули, и я не дрогну!

Конвойный солдат. Иди, иди...

Александр (беря варезки со стола, отдавая их няне). Отдай ему!..

Арина Родионовна (подходя к Петрову). Возьми, батюшка, вспомнишь Сашу.

Петров (беря варезки). Спасибо, мать! (Целует ее в лоб).

Петров. Прощай, Саша! Мы с тобой увидимся!

Александр. Прощай, Захарий, милый мой друг!..

Конвойный солдат уводит Петрова.

Арина Родионовна. И его в неволю, Захария-то?

Александр. И его...

Арина Родионовна. Уж лучше бы он помер, бог бы его прибрал.

Александр. Тогда и я умру, – я люблю его...

Арина Родионовна. А чего ему жить? Без воли, как без души, – кто уж лишил его воли, тот и жизнь его взял...

На пороге появляется ямщик. На дворе позванивают дорожные колокольцы, теперь их два – слышно два разных звука, запряжены две лошади.

Ямщик. Лошади готовы... Прощайтесь, батюшка!

Ямщик уходит. Во дворе через крыльцо видно, как ходит туда и сюда Даша, укладывая вещи в возок. Туда же выходят Ольга Сергеевна, Екатерина Андреевна, Василий Львович. Арина Родионовна садится на лавку, рядом с нею садится и Пушкин; тут же сидит и Маша. Все они сидят в молчании перед разлукой. Со двора слышен голос Василия Львовича, видна и его фигура.

Василий Львович. Лицей не виноват, сударыни мои, Лицей не виноват. В Лицее злу не учат! И позвольте сказать, он там все равно ничему не учился...

Голос Ольги Сергеевны. Неправда, дядюшка, неправда...

Василий Львович. А все к лучшему: теперь ему вся Россия – Лицей.

Голос Екатерины Андреевны. Да где же он есть?

Звон колокольчиков на лошадях.

Голос ямщика. На месте! Стой на месте, зверь! Опухли с кормов-то!

Во дворе появляются Кюхельбекер, Пущин и Дельвиг.

Александр (вставая с лавки). Прощай, матушка... Не горюй по мне!

Арина Родионовна. Прощай, сыночек мой... Да сыт ли ты? А одет-то ладно? Постой, огляжу-ко я тебя... На тебе денежку в дорогу.

Достает денежку из ларца на полке и подает Александру.

Александр. (пряча денежку). Спасибо, мать, – себе бы берегла... (К Маше). Расти, Машенька, сестренка моя... (Целует ее в лоб).

Затем Александр обнимает Арину Родионовну; дрожащими руками няня крестит спину Александра. Александр быстро уходит во двор. Согбенная Арина Родионовна глядит ему вслед. Маша неподвижно стоит, как оставил ее Александр, поцеловав в лоб. Со двора слышен шум и голоса людей, позванивают колокольчики. Но вот уже колокольчики ударились в такт, забились и зазвонили на удалении. Пушкин уехал.

Колокольчики бьются все далее и далее, но звон их не умолкает вовсе, а лишь делается все более мелодичным, как бы волнообразным, и словно превращается в музыку, заполнившую все русское пространство, куда уехал Пушкин. Арина Родионовна надевает на голову платок.

Маша. Ты куда уходишь? И я с тобой!

Арина Родионовна. К царю!

Маша. У нас нет царя!

Арина Родионовна. А ты знаешь?.. К богу тогда пойду!

Маша. А где бог?

Арина Родионовна. Я сыщу их! А ты дом карауль!

Со двора входит Кюхельбекер.

Кюхельбекер. Здравствуйте, Арина Родионовна...

Арина Родионовна. Здравствуй, батюшка... А что, ты знаешь небось, где царь-то живет!

Кюхельбекер. Знаю, Арина Родионовна, всякий знает.

Арина Родионовна. Отведи меня к нему, мне по делу надобно.

Кюхельбекер. И мне к нему надо, давно надо. Пойдемте, Арина Родионовна.

Он осторожно берет под руку согбенную Арину Родионовну, и они уходят. Пушкин уехал далеко. Стало совсем тихо. Маша одна в людской избе.

Маша (улыбаясь и яснея лицом). Я не чужая ему, а сестра, и он мне брат!

Вдалеке возникает звон колокольчиков и умолкает в большом удалении.

КОНЕЦ